

DIANA SILINA

**Мы в бегстве
от самих себя**

DIANA SILINA

Мы в бегстве от самих себя

«Издательские решения»

SILINA D.

Мы в бегстве от самих себя / D. SILINA — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-963789-5

«Чего хотели достичь мы — люди 21 века?» Мы лишь хотим жить спокойно и свободно, но государство в книге так не хочет. Как же разрешить конфликт между обществом и отдельным человеком и государством? Стоит посмотреть под углом.

ISBN 978-5-44-963789-5

© SILINA D.
© Издательские решения

Содержание

Свобода – психологическая проблема	17
Обособление индивида и двойственность свободы	26
Свобода в эпоху реформации	33
1. Средневековая предыстория и Возрождение	34
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Мы в бегстве от самих себя

DIANA SILINA

© DIANA SILINA, 2019

ISBN 978-5-4496-3789-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Чего хотели достичь мы- люди 21 века?». «Высшие» привыкли судить так: «Раз ты мал, значит ничего не понимаешь и ни в чем не разбираешься, в свои 20 ты не сможешь себя убедить и обеспечить, ты ничего не достигнешь». Хотелось бы показать таким «Высшим» жизнь нашего поколения изнутри. То, что творится там не сравнится даже с Второй Мировой, которая была весьма тяжелой. Хорошо, давайте возьмем самый обычный пример нашего поколения- средняя общеобразовательная школа. Ребенку еще с детства вкладывают те стандарты, которые не пригодятся в жизни. Сколько людей вы видели, которым в повседневной обычной жизни понадобилось разбирать на атомы луковичную кожуру или запоминать сколько нейтронов находится в фосфоре? На реально нужных предметах школы не зацикливают внимание, они лишь делают себе репутацию. Далее идет Государственная Итоговая Аттестация, которая показывает что ребенок не просидел в школе 11 лет, а учился. Вы эти тесты видели? Их взрослый опытный человек не всегда решит. А потом многие удивляются, почему подростки испытывают стрессы, вгоняются в депрессию и чуть ли не до суицида. И это никто не собирается останавливать, чем дальше тем хуже идет контроль над нашим поколением. Тоталитарность порождается нашим страхом, который возникает при любой стрессовой ситуации: будь то экзамен, поступление в ВУЗ, выступление перед публикой, да что угодно. Нас хотят контролировать и сделать из нас роботов, а точнее обычных рабов, которые будут выполнять определенные обязанности, которые нужны только нашему государству, но ни как не человеку и не обществу. Тоталитаризм является политическим феноменом XX века. Тоталитаризм с точки зрения политологии – это форма отношения общества и власти, при которой политическая власть берет под полный (тотальный) контроль общество, полностью контролируя все аспекты жизни человека. Проявление оппозиции в любой форме жестко и беспощадно подавляется или пресекается государством. Также важной особенностью тоталитаризма является создание иллюзии полного одобрения народом действий этой власти. Тоталитарному государству свойственны неограниченные законом полномочия власти, ликвидация конституционных прав и свобод, репрессии в отношении инакомыслящих, милитаризация общественной жизни. И мы проживаем политический режим, согласно которому функционирует политическая система в государстве. Здесь проявляются методы, которыми осуществляется власть в стране, характеризуется мера участия народа в политической жизни, а также, что очень болезненно в данной теме, общая политическая свобода в конкретном обществе. Софокловское выражение: «Молчание – знак согласия» – естественная позиция для тоталитарных режимов, даже в тех случаях, когда сторонние мнения не озвучиваются не потому, что их нет, а потому, что их не дают высказывать. Не зря это изречение возникло в государстве, которое первым в мире приняло антагониста тоталитарного режима – демократию. Тоталитарные государства в истории существовали и ранее (Египет, Спарта, Ассирия-Вавилония, Пруссия времен Фридриха II). В наше время это были фашистская Германия, СССР (в особенности в период культа личности Сталина). История распорядилась таким образом, что именно эти государства, во многом противоположные, но в чем-то схожие, были вовлечены в жестокую, тотальную войну, войну на уничтожение, в которой победила система, опирающаяся на идеи патриотизма, защиты Родины.»

Тоталитарное государство – государство всеохватывающее, проникающее во все поры общественной жизни и подчиняющее себе общество. Общество как самоорганизующаяся, саморегулирующаяся система поглощается государством. Происходит полное огосударствление общества. При этом никто не задумывается, нужно ли это обществу или пойдет ли это ему на пользу, наоборот, нас и спрашивать об этом не хотели. Все делается так, чтобы мы и против ничего сказать не смогли. Нас лишают прав. Государственный аппарат неимоверно разбухает, бюрократизируется, оплетает своими щупальцами все сферы общества: экономику, культуру, просвещение, воспитание. Все регулируется, распределяется, складывается значительная прослойка номенклатурного чиновничества во главе с узкой правящей элитой. Даже религию успели охватить или поставить иные ультиматумы, которым люди не согласны. Любой недемократический режим лишает народ статуса источника власти. В стране с такой системой управления граждане в массе своей не могут вмешиваться в государственные дела. Кроме того, люди, не принадлежащие к элите, лишаются свобод и прав. Недемократические режимы делятся на два вида – тоталитарные и авторитарные. Ни в том, ни в другом случае де-факто народо-властия не существует. Весь административный и силовой ресурс концентрируется в руках определенной группы людей, а в некоторых случаях и вовсе одного человека. Мы лишаемся самостоятельности. Тоталитарное государство не могло и не может стать правовым, то есть таким, где суд не был бы зависим от властей, а законы реально соблюдались. Такого государства система не приемлет. Незыблемость суда и торжество законности неизбежно открывали путь появлению оппозиции.

Признавая формально гражданские свободы, тоталитарные режимы ставили одно, но решающее условие: пользоваться ими можно было исключительно в интересах той системы, которую проповедовали вожди, что означало бы поддержку их владычества.

Отсюда вытекала необходимость сохранения формы законности и одновременно монополии правления. Главным образом по этой причине законодательная власть не могла отделиться от исполнительной. При однопартийной системе это как раз и был один из источников, питающих произвол и всемогущество правителей. Точно так же практически невозможно было отделить власть полицейскую от судебной.

Так зачем в таком случае тоталитарная диктатура прибегала к закону, зачем прикрывалась законностью?

Кроме внешнеполитических и пропагандистских резонов немаловажно и то, что тоталитарный режим обязан был обеспечить правовые гарантии тем, на кого он опирался, то есть партии. Формально законы охраняли права всех граждан, но в действительности только тех, кто не попал в разряд «врагов народа» или «врагов рейха».

В силу вышеизложенного политические судебные процессы-инсценировки, где доминировал политический тезис; от суда требовалось уложить в рамки права заготовленный политический вывод о враждебных происках обвиняемого.

При таком способе судить важнейшую роль играло признание обвиняемого.

Если он сам называл себя врагом, тогда тезис подтверждался. «Московские процессы» – это наиболее гротескный и кровавый пример судебно-юридического фарса в коммунизме. Обычно политические процессы затевались по «разнарядке». Тайная полиция (НКВД, ГПУ, и др.) получала число требуемых к аресту «врагов народа» и начинала действовать. Никаких доказательств не требовалось – нужно было лишь признание.

Одним из признаков является однопартийная политическая система, не допускающая никаких иных политических организаций. Такая политическая система тесно связана с двумя моментами.

Во-первых, основой однопартийной политической системы обязательно становится монистическая – единая, господствующая идеология, исходящая исключительно от правящей

партии и не терпящая никакой оппозиции или критики. В самой партии также поддерживается идейное единство.

Основным методом монистической идеологии является массовая оболванивающая пропаганда, базирующаяся на социально – классовой (СССР), расово – националистической (Германия) или религиозной (Иран времен аятоллы Хомейни) демагогии. В годы консервации режима руководящая роль партии была узаконена 6-й статьёй конституции СССР.

Весь механизм власти был сведен к следующему: политические структуры – это исключительная привилегия партийцев, во всех остальных органах и учреждениях партийцы либо непосредственно хозяйничали, либо держали управление под своим надзором.

Достаточно было центру провести заседание или опубликовать статью, как мгновенно приводился в действие весь государственно-общественный механизм. А чуть где сбой, партия и полиция в кратчайшие сроки устраняли «неисправность» – отклонение от общего мнения.

В последующем подробнее будет рассмотрена коммунистическая партия, находившаяся у власти, как в Советском Союзе, так и в странах Восточной Европы.

Коммунистическая партия партией особого типа являлась не только потому, что была централизованна, по-армейски дисциплинированна, стремилась к определенным целям и т. п.

Между тем лишь в коммунистической партии идеологическое единство, тождественность мировоззрений и взглядов были обязательны для всех без исключения членов, хотя данный императив касался скорее головных органов и высших инстанций партии. Тем, кто пониже, только формально было вменено в обязанность соблюдать единство, «блюсти идейную чистоту своих рядов»; их прямой задачей было выполнять решения. Однако и низы должны были усваивать взгляды вождей.

Во времена Сталина идейное единство, то есть обязательное философское и прочее, стало условием пребывания в партии. Единогласность стала законом для всех компартий.

Раз в любой партии власть сосредоточена в руках вождей и высших инстанций, то идейное единство как приказ несло с собой владычество центра над умами рядовых партийцев.

Прекращение всякой идейной борьбы в партии означало паралич свободы в обществе, так как общество целиком и полностью в ее власти, а внутри самой партии – ни проблеска свободы.

Идеологическое единство-духовная основа личной диктатуры, которую без него невозможно представить. Одно порождает другое.

Идеи – плод творчества отдельных людей, а приказной идейный монополизм, осуществляемый с помощью пропаганды и террора, придает этим идеям характер закона.

Устранение идейной разногласности в среде высших руководителей автоматически упразднило фракции и течения, а с тем и всякую демократию в коммунистических системах.

В коммунизме возобладал принцип «вождь знает все»: идеологами партии становились обладатели власти – партийной и прочей – вне зависимости от скудоумия таких лидеров. Получилось так, что надо было быть не просто марксистом, а марксистом в соответствии с предписаниями верхов, центра.

Коммунисты воспитывались на убеждении, что идейное единство, идейное подчинение есть неприкосновеннейшая из святынь, а фракция в партии – черное злодейство.

В борьбе за власть над умами не гнушались никакими средствами, широко применяли террор, запугивание, пропаганду или круговую поруку по обстоятельствам.

Конечно, Сталин знал, что Троцкий, Бухарин и Зиновьев никакие не иностранные шпионы или предатели социалистического отечества. Но нужно было свалить на кого-то вину за нерешенные вопросы, в частности продовольственный, благо они еще и «чистосердечно» признались, и устранить несогласных, инакомыслящих.

Идеологическое единство, прошедшее немало фаз и приобретшее на этом пути разнообразные формы, было самой отличительной чертой партии большевистского, коммунистического типа.

Во-вторых, однопартийная политическая система сопровождалась фактическим отсутствием демократических институтов, таких как парламент, Советы депутатов и др., в результате чего достигалось тотальное отчуждение индивида от политической власти.

Индивид мог получить политическую власть только вступив в партию и «съев», «подсидев», то есть тем или иным образом устранив вышестоящего сотрудника, тем самым заняв его кресло.

Возможное существование некоторых общественных организаций ничего не меняло, так как они контролировались партийными и государственными органами. Примером могут быть созданные фашистами профсоюзы, основной задачей которых было внедрение идеологических мифов в массовое сознание и контроль за ним.

Отрицанием демократических институтов режим реализовывал важную задачу – ликвидацию тех промежуточных звеньев, которые стоят между индивидом и государством, в результате чего происходит полное поглощение индивида государством, превращение его в «винтик» огромной государственной машины. Особо стоит сказать о роли церкви. Являясь более древним институтом, чем политические партии, обладая значительным весом в обществе, церковь стала тем камнем преткновения, который не позволял полностью подчинить душу индивида. Попытки тоталитарного режима устранить, или, по крайней мере, сотрудничать с ней не везде приводили к успеху. В тех странах, где церковь сохранила свои позиции (Италия, Испания), отрицательные последствия тоталитаризма были не столь глубоки, как там, где она была жестоко подавлена (Германия, Россия).

Народные массы чаще выступали в облике несчастных жертв, бедных непротивленцев, являющихся объектом приложения тоталитарных сил. Некоторые исследователи советского тоталитаризма производят искусственное разделение общества на отдельные части.

С одной стороны, лидер-диктатор во главе единственной массовой политической партии, террористический полицейский контроль, сверхцентрализованная система управления, а с другой – страдающий, несчастный народ. Если первая часть буквально аккумулирует в себе страшные черты тоталитаризма, то вторая часть общества находится как бы в стороне, вызывая симпатии и даже любовь.

Известно, что в Германии и Италии установлению тоталитарных режимов предшествовали массовые движения, участники которых совершенно добровольно поддерживали и разделяли фашистскую идеологию.

Сталинские репрессии по свидетельству очевидцев воспринимались значительной частью населения сочувственно, на этот раз на режим работали также пропаганда и террор.

Советский опыт свидетельствует, что тоталитаризм всегда имел социальную опору в народе. Без нее он не мог бы так долго существовать и видоизменяться. Документальные кадры: делегат от доярок надрывно кричит и от имени колхоза имени Буденного требует смерти для «врагов народа». Казалось, каждый колхоз, фабрика, парикмахерская, столовая должны отметить и потребовать «высшей меры»; лица требующих сменяются, но слова поразительно похожи.

Еще до прихода к власти тоталитарное движение строится на принципах предельной атомизации своих членов; сначала достигается верность движению, преобладание связей с движением над личными связями, а затем их полная утрата в пользу своего места в движении.

После установления тоталитарного режима атомизация распространяется на широкие слои общества с помощью аппарата устрашения, включающего в себя, кроме террора, также и газеты, радио; однако **самый мощный** эффект имеет развитая система доносительства и круговой поруки, закрепляющая таким образом эффект массовой тоталитарной пропаганды.

«В обстановке всеобщей взаимной подозрительности, когда лояльность режиму измеряется числом доносов, любые личные связи становятся обоюдосоопасными. Элементарная осторожность требует отказа от тесных связей, чтобы не ставить близких людей в такое положение, когда они ценой спасения своей собственной жизни будут вынуждены погубить тебя.

В результате достигается предельно возможная атомизация общества, и любое несогласие с политикой тоталитарного государства [и с тоталитарной идеей] либо раскол между индивидом и обществом сразу же ставит индивида вне закона. Единственной положительной чертой становится безусловная и неизменная преданность Движению со стороны каждого его члена»

Итак, через ОПД атомизированного общества достигается эффект «слияния с властью» (власть доноса), несмотря на абсолютную отстраненность людей от нее, и как результат-«народ не безмолвствует, как в феодальных государствах прошлого, – нет, народ поет, кричит «ура» и рукоплещет казням. "[5].

И сам им способствует, добавим.

Теперь несколько слов о том, *что такое тоталитарная идея*. Тоталитарная идея заключает в себе основной ценностный критерий организации тоталитарного общества; именно тоталитарной идеей отличаются различные формы тоталитаризма.

В зависимости от основного ценностного критерия можно выделить три формы тоталитаризма.

Правой форме соответствует национальный критерий (фашистские режимы Гитлера, Муссолини и др.).

Левой форме – классовый (социальный) критерий (сталинизм).

Религиозной форме-религиозный критерий организации общества (исламский фундаментализм в Иране периода Хомейни).

В то же время, пожалуй, это различие между формами все-таки не является принципиальным; по глубинной сути своей все тоталитарные режимы очень близки.

Сейчас совесть против насилия, но нам свято продолжают втирать в голову то, что нужно только государству и в итоге никто не понимает, что вообще тут происходит. Примером рассмотрим ситуацию. 39-летний житель Ньютона, возглавляющий отдел славянских и восточных языков Бостонского колледжа, вырос в Москве, в которой он был свидетелем ужасов тоталитарного государства.

Его отец, Давид Шраер-Петров, медик и писатель, разозлил советский режим тем, что писал об антисемитизме. Его семья входила в число отказников – диссидентов, главным образом евреев – которым было отказано в разрешении эмигрировать.

Шраер редактировал новую книгу своего отца, «Осень в Ялте: Роман и три рассказа». В книге описываются события, происходившие на протяжении 60 лет на территории от Сибири до Новой Англии.

Жизнь самого Шраера похожа на рассказ о России. Он вспоминает, как в 1985 году сопровождал свою мать, которая хотела передать корреспонденту газеты «New York Times» письмо с открытым обращением к западным писателям, политикам и дипломатам, написанное его отцом.

«После того, как мы передали письмо, одетые в штатское офицеры КГБ начали нас преследовать. Это было похоже на кино о Джеймсе Бонде, с той лишь разницей, что это было не кино», – говорит Шраер.

Они смогли улизнуть от преследователей, уехав на такси к своему огромному многоквартирному дому. Позднее Шраер стал подозревать, что агенты хотели только запугать их.

Двумя годами позднее их семье сообщили, что они могут уехать. Перед тем, как они сложили все свои вещи в пять чемоданов и уехали в Провиденс, у них взял интервью ведущий телеканала CBS Дон Разер (Dan Rather) для серии программ «Семь дней в мае» о начале реформ в Советском Союзе.

Шраер вспоминает, что в начале 1980-х годов, когда он учился в школе, их учитель заявил перед всем классом, что евреи плохие – что они шпионы и что им нельзя доверять.

«Вы можете себе представить? Я должен был сидеть тихо и ничего не говорить. Я знал, что если я скажу хоть слово, то моих родителей отправят в тюрьму», – рассказал Шраер.

Их семья подверглась такой опасности из-за стихов, написанных его отцом. В стихотворении «Моя славянская душа» выразилось разочарование писателя знакомыми соотечественниками, которые отказывались встречаться с ним лишь из-за его религии.

«Евреи постоянно с этим сталкиваются в России, – сказал Шраер. – Никто не считает их русскими, хотя с точки зрения культуры они ощущают себя русскими».

В 1978 году на поэтическом фестивале в Литве Шраер, которому тогда было всего 11 лет, наблюдал, как его отец читал это стихотворение. Он вспоминает, как «комната погрузилась в молчание, люди плакали, а потом разразились овацией».

Когда их семья вернулась в Москву, они почувствовали на себе гнев политического и литературного истеблишмента, направленный против разоблачения несправедливого отношения к евреям, о котором обычно не говорили.

Мать Шраера, Эмилия, потеряла работу преподавателя английского языка в Министерстве внешней торговли, а Шраер-Петров потерял свою должность в Академии медицинских наук. Вскоре он был изгнан из Союза писателей, а гранки трех его книг – с иллюстрациями, подготовленных к печати – были уничтожены.

Однако это не остановило Шраера-Петрова, который между 1979 и 1987 годами написал два романа, несколько пьес и мемуары.

Тем временем давление со стороны советских властей усиливалось. Шраер-Петров стал скрываться, зарабатывая на жизнь нелегальным частным извозом по ночам, и в лаборатории днем. В самый разгар испытаний у него случился сердечный приступ.

«Мои родители прятали меня, но я все равно знал кое-что о том, что происходит, – рассказал Шраер. – Если родители диссиденты, то КГБ мог угрожать родителям через детей. Это не как здесь, когда вас арестовывают, выпускают под залог, и вы звоните своему адвокату».

В интервью, взятом в доме Шраера, его родители рассказали о том, как они противостояли властям, проводя семинары, чтения и другие культурные мероприятия в их московской квартире. Они приглашали писателей всех вероисповеданий, а также американских дипломатов и журналистов.

Они знали, что они рискуют подвергнуться аресту, так как КГБ часто размещал подслушивающие устройства в домах диссидентов. В 1985 году Шраер-Петров получил повестку от главного прокурора Москвы и был назван в одном из московских еженедельников пропагандистом сионизма. «Они опубликовали очень грязный материал о вещах, которых я не делал», – говорит Шраер-Петров.

«Осень в Ялте: Роман и три рассказа» – уже 20-я книга Шраера-Петрова, однако всего вторая из изданных на английском языке. Первая книга, также отредактированная его сыном, называется «Джон и Сара: рассказы о евреях России и Америки» («Jonah and Sarah: Jewish Stories of Russia and America»), в которой изучаются иммиграция и личность, любовь между евреями и неевреями, антисемитизм и тоталитаризм.

По словам Шраера, его отец смешивает личный опыт с реальными и вымышленными событиями. «С самого детства границы между реальностью и вымыслом были размыты, – вспоминает Шраер. – Отец всегда говорит, что так называемые правдивые истории являются самой большой выдумкой».

Шраер перевел «Осень в Ялте», роман, давший название новой книге. В нем отдается дань Чехову и Набокову, двум писателям, о которых он много писал.

Он также написал три книги: «Мир рассказов Набокова» («The World of Nabokov's Stories»), «Русский поэт/советский еврей: наследство Эдуарда Багрицкого» («Russian Poet/

Soviet Jew: The Legacy of Eduard Bagritskii») и готовящуюся к публикации книгу «Антология русско-еврейской литературы: два века двойственной идентичности в прозе и литературе 1801—2001 годов» («Anthology of Jewish-Russian Literature: Two Centuries of Dual Identity in Prose and Poetry 1801—2001»).

Шраер, профессор русского и английского языков, так же являемся содиректором открытой недавно в Бостонском колледже Программы еврейских исследований (Jewish Studies Program). Своей задачей он сделал продвижение еврейских писателей из России, чтобы сохранить память об их временах.

«В диссидентском движении есть настоящие герои – люди, которые были отправлены в Сибирь, в трудовые лагеря – но из-за того, что они не были писателями и о них не осталось никаких записей, они были вскоре забыты», – сказал он.

Шраер женат на Карен Лассер (Karen E. Lasser), врач по оказанию первой помощи и исследовательнице из «Cambridge Health Alliance/Harvard Medical School». Их дочери 6 месяцев.

Д-р Давид Шраер – фамилию Шраер-Петров он использует как псевдоним – дает консультации по исследованиям в сфере онкологии в «Roger Williams Medical Center» в Провиденс. Эмилия Шраер работает библиотеке им. Рокфеллера в университете Брауна.

В послесловии к «Осени» отец и сын пишут о том, как их литературное сотрудничество усилило связь между ними. На вопрос о том, не возникали ли трения в процессе редактирования сыном произведения отца, Шраер ответил, что даже если трения и возникают, на отношения они не влияют.

«Мы не только отец и сын, автор и переводчик, но мы также и большие друзья, – сказал он. – Это не роли, это наша общая судьба».

Мы уже в ловушке, сколько бы не пытались этого не замечать. Примером так же можно взять книгу Эриха Фромма «Бегство от свободы»

К свободе стремится всякое живое существо. От мухи, бьющейся о стекло, до белой акулы (которой нет ни в одном океанариуме, поскольку даже молодые особи отказываются питаться в неволе и умирают). Вроде бы это должно означать, что свобода для человека – самого организованного живого существа – безусловное благо. Но так ли это на самом деле?

Эрих Фромм в книге «Бегство от свободы» убедительно доказывает, что не так. Огромное большинство людей, на словах признавая ценность свободы, на деле бессознательно воспринимают ее, как тяжелое бремя. Можно привести множество цитат из литературы (и даже фольклора) разных времен и народов, в которых свобода приравнивается к одиночеству. Одиночество же – неестественное и мучительное состояние для такого социального животного, как человек. Оно рождает неуверенность и тревогу.

Именно анализу тревоги Фромм посвящает теоретическую часть своей книги, развивая основы динамической психологии. Второй теоретический аспект «Бегства от свободы» – это угроза современного общества для развития индивидуальности и уникальности личности.

Современное Фромму общество несколько отличается от современного нам. Книга вышла в 1941 году. Именно поэтому в ней уделяется такое внимание анализу нацистского тоталитаризма в Германии, которую Фромм, немецкий еврей по рождению, покинул в 1934 году, когда Гитлер пришел к власти (надо отметить, он поступил весьма дальновидно!) Тем не менее, большинство угроз индивидуальному развитию личности сохранилось (а возможно даже усилилось) в постиндустриальном обществе, в котором живем мы. В частности психологический дисбаланс, своеобразный «бич времени», на который мало кто обращает внимание – современные люди в большинстве своем весьма развиты интеллектуально, но ужасающе отстают в эмоциональном развитии.

Три главы книги посвящены историческому анализу – поступательному возрастанию роли индивидуальной свободы в обществе, от Средневековья, через Возрождение и Реформа-

цию к началу формирования капитализма. Согласно Фромму, вплоть до Средних Веков свободы личности не существовало, как понятия – индивидуум был жестко фиксирован в своей социальной и географической нише на протяжении всей жизни; вертикальная (передвижение по социальной лестнице) и горизонтальная (смена места жительства) мобильность была крайне редкой.

Положение усугублялось чрезвычайно сильным влиянием господствующей Церкви, которая трактовало проявление человеком своей воли, как грех и зло. Зато мир средневекового человека был прост, понятен и уютен. При более-менее благополучном течении жизни, он чувствовал себя в полной безопасности среди себе подобных, поскольку «был, как все» и полнотью отождествлял себя со своей социальной группой.

Эпоха Возрождения дала старт так называемой «Новой истории». Начиная с этого момента, повсеместно и непрерывно шла борьба за индивидуальную свободу. Человечество боролось с господством природы, абсолютной властью правителей, церковным давлением и т. д. Капиталистическая формация стала своеобразным апофеозом личной свободы – обществом равных возможностей, в котором человек, независимо от своего происхождения, может добиться всего, благодаря личным качествам – упорству, таланту, силе воли, труду

К свободе стремится всякое живое существо. От мухи, бьющейся о стекло, до белой акулы (которой нет ни в одном океанариуме, поскольку даже молодые особи отказываются питаться в неволе и умирают). Вроде бы это должно означать, что свобода для человека – самого организованного живого существа – безусловное благо. Но так ли это на самом деле?

Эрих Фромм в книге «Бегство от свободы» убедительно доказывает, что не так. Огромное большинство людей, на словах признавая ценность свободы, на деле бессознательно воспринимают ее, как тяжкое бремя. Можно привести множество цитат из литературы (и даже фольклора) разных времен и народов, в которых свобода приравнивается к одиночеству. Одиночество же – неестественное и мучительное состояние для такого социального животного, как человек. Оно рождает неуверенность и тревогу

Именно анализу тревоги Фромм посвящает теоретическую часть своей книги, развивая основы динамической психологии. Второй теоретический аспект «Бегства от свободы» – это угроза современного общества для развития индивидуальности и уникальности личности.

Современное Фромму общество несколько отличается от современного нам. Книга вышла в 1941 году. Именно поэтому в ней уделяется такое внимание анализу нацистского тоталитаризма в Германии, которую Фромм, немецкий еврей по рождению, покинул в 1934 году, когда Гитлер пришел к власти (надо отметить, он поступил весьма дальновидно!) Тем не менее, большинство угроз индивидуальному развитию личности сохранилось (а возможно даже усилилось) в постиндустриальном обществе, в котором живем мы. В частности психологический дисбаланс, своеобразный «бич времени», на который мало кто обращает внимание – современные люди в большинстве своем весьма развиты интеллектуально, но ужасающе отстают в эмоциональном развитии.

Чему посвящена книга?

Три главы книги посвящены историческому анализу – поступательному возрастанию роли индивидуальной свободы в обществе, от Средневековья, через Возрождение и Реформацию к началу формирования капитализма. Согласно Фромму, вплоть до Средних Веков свободы личности не существовало, как понятия – индивидуум был жестко фиксирован в своей социальной и географической нише на протяжении всей жизни. И вертикальная (передвижение по социальной лестнице) и горизонтальная (смена места жительства) мобильность была крайне редкой. Положение усугублялось чрезвычайно сильным влиянием господствующей Церкви, которая трактовало проявление человеком своей воли, как грех и зло. Зато мир средневекового человека был прост, понятен и уютен. При более-менее благополучном течении

жизни, он чувствовал себя в полной безопасности среди себе подобных, поскольку «был, как все» и полностью отождествлял себя со своей социальной группой.

Эпоха Возрождения дала старт так называемой «Новой истории». Начиная с этого момента, повсеместно и непрерывно шла борьба за индивидуальную свободу. Человечество боролось с господством природы, абсолютной властью правителей, церковным давлением и т. д. Капиталистическая формация стала своеобразным апофеозом личной свободы – обществом равных возможностей, в котором человек, независимо от своего происхождения, может добиться всего, благодаря личным качествам – упорству, таланту, силе воли, труду.

К концу 19 – началу 20 века людям казалось, что свобода завоевана человечеством навсегда. Тут-то их и подстерегал неприятный сюрприз – формирование новейших тоталитарных обществ, подавляющих личную свободу. Такие общества начали возникать почти независимо друг от друга в Германии, России (Советском Союзе), Италии и еще в некоторых странах.

Эрих Фромм анализирует социально-психологические причины возникновения и укрепления тоталитарных обществ на примере нацизма в Германии. Почитайте, это очень познавательно! Потому что наивно-идеалистическое представление о том, что в возникновении тоталитаризма виновны исключительно маниакальные личности, добившиеся власти – это опасное заблуждение. Тираны не возникли сами по себе – они опирались на поддержку народа, коллективные страхи, коллективные бессознательные стремления. На людей, которые не умели быть свободными и стремились отдать свою судьбу во власть высших сил в обмен на защиту и психологический комфорт. Действительно, средний член тоталитарного общества, который не задумывается том, что его свобода ограничена, чувствует себя столь же спокойно и уютно, как человек Средневековья – все кругом понятно, просто, ты не одинок, поскольку окружен такими же, как ты, Король и Бог заботятся о тебе.

В настоящее время вряд ли возможно возникновение тоталитарных режимов, полностью повторяющих старые модели. Но не наблюдаем ли мы те же самые проявления в постиндустриальном обществе, где человек становится «винтиком» социума и рабом общественного мнения?

Проявления индивидуальности и спонтанности в рыночной реальности так же редки, как при тоталитаризме и так же приравниваются к бунту. Разве что теперь за это не бросают в концлагерь, а подвергают осуждению и ненавязчивой социальной депривации – если ты «не такой, как все», твой уровень жизни и социальный статус неизбежно снижаются.

Фромм задается вопросом – не свойственно ли человеческой природе одновременно с жадной свободой, стремление к подчинению? И всесторонне анализирует этот вопрос, рассматривая связь онтогенеза (развития человечества) с филогенезом (развитием человека).

Человек в детстве един со своей семьей, природой и всем миром. Свою индивидуальность, обособленность, он начинает осознавать по мере естественного взросления, роста самосознания. Далее, обособленность приводит к увеличению тревоги и страха изоляции, одиночества – бремя свободы нарастает.

С этого момента у человека два пути для того, чтобы преодолеть одиночество – либо отдать свою свободу, присоединившись к господствующему большинству, либо обрести единство с миром путем спонтанности, любви и творческого труда. Последний путь, разумеется, труднее, но и награда высока!

А теперь если разбираться в этой книге основательно, то что мы получим?

Эта книга – часть обширного исследования, посвященного психике современного человека, а также проблемам взаимосвязи и взаимодействия между психологическими и социологическими факторами общественного развития. Я занимаюсь этой работой уже несколько лет, ее завершение потребует еще большего времени, – между тем нынешние тенденции политического развития ставят под угрозу величайшее достижение современной культуры: индиви-

дуальность и неповторимость каждого человека. Это вынудило меня прервать работу над проблемой в целом и сконцентрировать внимание на одном аспекте, ключевом для культурного и социального кризиса наших дней: на значении свободы для современного человека. Моя задача была бы значительно легче, если бы я имел возможность отослать читателя к законченному курсу психологии человека нашей цивилизации, поскольку значение свободы можно до конца уяснить лишь на основе анализа психики современного человека в целом. Теперь же приходится обращаться к определенным понятиям и заключениям, не прорабатывая их с нужной полнотой, как это было бы сделано в полном курсе. Некоторых проблем – тоже чрезвычайно важных – я был вынужден коснуться лишь мимоходом, а иногда и вовсе их не затрагивать. Но я убежден, что психолог должен внести свой вклад в понимание современного кризиса, причем безотлагательно, даже принеся в жертву желательную полноту изложения.

Я полагаю, что, подчеркивая значение психологического изучения современной обстановки, мы отнюдь не переоцениваем значимость психологии. Основным субъектом социального процесса является индивид: его стремления и тревоги, его страсти и раздумья, его склонность к добру или злу, поэтому его характер не может не влиять на этот процесс. Чтобы понимать динамику общественного развития, мы должны понимать динамику психических процессов, происходящих внутри индивида, точно так же как для понимания индивида необходимо рассматривать его вместе с обществом, в котором он живет. Основная идея этой книги состоит в том, что современный человек, освобожденный от оков доиндивидуалистического общества, которое одновременно и ограничивало его, и обеспечивало ему безопасность и покой, не приобрел свободы в смысле реализации его личности, то есть реализации его интеллектуальных, эмоциональных и чувственных способностей. Свобода принесла человеку независимость и рациональность его существования, но в то же время изолировала его, пробудила в нем чувство бессилия и тревоги. Эта изоляция непереносима, и человек оказывается перед выбором: либо избавиться от свободы с помощью новой зависимости, нового подчинения, либо дорасти до полной реализации позитивной свободы, основанной на неповторимости и индивидуальности каждого. Хотя эта книга скорее диагноз, чем прогноз, не решение, а лишь анализ проблемы, результаты нашего исследования могут уточнить направление необходимых действий; ибо понимание причин тоталитаристского бегства от свободы является предпосылкой любого действия, направленного к победе над силами тоталитаризма.

Я воздерживаюсь от удовольствия поблагодарить всех друзей, коллег и учеников, которым я признателен за стимуляцию и конструктивную критику моих мыслей. Читатель найдет в подстрочных примечаниях ссылки на авторов, которым я больше всего обязан идеями, изложенными в этой книге. Однако хочу особо поблагодарить тех, кто непосредственно способствовал ее завершению. Прежде всего это мисс Элизабет Браун, оказавшая мне неоценимую помощь своими советами и критическими замечаниями о композиции книги. Кроме того, я благодарен Т. Вудхаузу за большую помощь в редактировании рукописи и д-ру А. Зейдеману за консультации в связи с затронутыми в книге философскими проблемами.

Прошло почти двадцать пять лет со времени первого издания этой книги. Двадцать четыре издания, вышедшие с тех пор, нашли читателей среди специалистов и неспециалистов, в особенности среди учащейся молодежи, и я рад, что новое издание в Библиотеке Эйвон делает книгу доступной еще более широкой публике.

«Бегство от свободы» – это анализ феномена человеческого беспокойства, вызванного распадом средневекового мира, в котором человек, вопреки всем угрозам, чувствовал себя уверенно и безопасно. После столетий борьбы человек сумел создать неслыханное изобилие материальных благ; в одной части мира он создал демократическое общество – и недавно сумел защитить его от новых тоталитарных угроз. Но – как показывает анализ в «Бегстве от свободы» – современный человек все еще охвачен беспокойством и подвержен соблазну отдать

свою свободу всевозможным диктаторам – или потерять ее, превратившись в маленький винтик машины: не в свободного человека, а в хорошо накормленный и хорошо одетый автомат.

Через двадцать пять лет возникает вопрос: сохранились ли социальные и психологические тенденции, вскрытые в этой книге; нет ли признаков того, что они идут на убыль? Несомненно, причины, вызывающие у человека страх перед свободой, беспокойство и готовность превратиться в автомат, за последние четверть века не только не исчезли, но и значительно возросли. Важнейшим в этом смысле событием было открытие атомной энергии и возможность ее применения в качестве оружия уничтожения. Никогда прежде в своей истории род человеческий не стоял перед угрозой полного истребления, тем более собственными руками. Но совсем недавно, во время Карибского кризиса, сотни миллионов людей в Америке и в Европе в течение нескольких дней не знали, увидят ли они и их дети завтрашний день. И хотя с тех пор были предприняты усилия, чтобы уменьшить опасность подобных кризисов, разрушительное оружие по-прежнему существует; остаются кнопки, остаются люди, обязанные нажать их по приказу, когда это покажется необходимым. И остаются беспомощность и тревога.

Наряду с ядерной революцией (быстрее, чем это можно было предвидеть двадцать пять лет назад) развивалась революция кибернетическая. Мы вступаем во вторую промышленную революцию, когда не только физическую энергию человека – его руки, – но и мозг его, и нервные реакции заменяют машины. В наиболее развитых индустриальных странах, таких, как Соединенные Штаты, растет беспокойство в связи с увеличением нового рода безработицы. Человек чувствует себя еще ничтожнее, когда ему противостоит не только система гигантских предприятий, но и целый почти самоуправляющийся мир компьютеров, думающих гораздо быстрее, а нередко и правильнее его. Увеличилась и другая опасность – демографический взрыв. И здесь мы видим плоды прогресса: достижения медицины привели к такому росту населения, особенно в слаборазвитых странах, что рост производства не может за ним угнаться.

За минувшие двадцать пять лет возросли гигантские силы, угрожающие выживанию человека, отчего усилилось и стремление к бегству от свободы. Но есть и обнадеживающие признаки. Исчезли диктатуры Гитлера и Сталина. В советском блоке, особенно в малых государствах, хотя они остались ультраконсервативными и тоталитарными, наметилась отчетливая тенденция к либерализации режимов. Соединенные Штаты проявили устойчивость по отношению ко всевозможным тоталитарным движениям, пытавшимся усилить свое влияние; были сделаны важные шаги к политическому и социальному освобождению негров – особенно впечатляющие ввиду мужества и дисциплины авангарда борцов за равноправие, как самих негров, так и белых. Из всего этого видно, что стремление к свободе, присущее природе человека, хотя оно может быть и извращено, и подавлено, снова и снова проявляет свою силу. Но эти ободряющие факты не должны вводить нас в заблуждение, будто опасность «бегства от свободы» сегодня не столь велика, как во время первого издания этой книги. Опасность только возросла.

Значит ли это, что теоретические открытия социальной психологии бесполезны, в смысле воздействия на общественное развитие? Трудно дать на этот вопрос убедительный ответ. Автор, работающий в этой области, может проявлять чрезмерный оптимизм по поводу социальной ценности своей деятельности и деятельности своих коллег. Но хотя я не упускаю этого из виду, моя уверенность в важности осознания индивидуальных и социальных реалий только возросла. Причина этого, коротко говоря, состоит в следующем. Многим исследователям человека и современной жизни общества становится все яснее, что решающая трудность, стоящая перед нами, – это значительное отставание развития человеческих эмоций от умственного развития человека. Человеческий мозг живет в двадцатом веке; сердце большинства людей – все еще в каменном. Человек в большинстве случаев еще недостаточно созрел, чтобы быть независимым, разумным, объективным. Человек не в силах вынести, что он предоставлен собственным силам, что он должен сам придать смысл своей жизни, а не получить его от какой-то выс-

шей силы, поэтому людям нужны идолы и мифы. Человек подавляет в себе иррациональные страсти – влечение к разрушению, ненависть, зависть и месть, – он преклоняется перед властью, деньгами, суверенным государством, нацией; и хотя на словах он отдает должное учениям великих духовных вождей человечества – Будды, пророков, Сократа, Иисуса, Магомета, – он превратил эти учения в клубок суеверий и идолопоклонства. Как же человечество может спастись от самоуничтожения в этом конфликте между преждевременной интеллектуально-технической зрелостью и эмоциональной отсталостью?

Настолько я могу судить, есть только один ответ: необходимо все большее понимание важнейших фактов нашего социального бытия; необходимо осознание, которое сможет предохранить нас от непоправимых безумств, несколько повысив нашу способность к объективности и разумному суждению. Мы не можем рассчитывать, что преодолеем все заблуждения нашего сердца-с их пагубным влиянием на наше воображение и мышление – за время жизни одного поколения; быть может, пройдет тысяча лет, прежде чем человек перерастет свою дочеловеческую историю, длившуюся сотни тысяч лет. Но в этот решающий момент – несколько лучшее понимание, несколько большая объективность могут решить для человечества спор между жизнью и смертью. Поэтому столь насущно развитие научной, динамической социальной психологии. Прогресс социальной психологии необходим, чтобы противодействовать опасностям, вызванным прогрессом физики и медицины.

Более, чем кто-либо другой, сознают недостаточность наших знаний исследователи, работающие в этой области. Надеюсь, что книги, подобные данной, могут побудить ученых посвятить социальной психологии свои силы, показав им, насколько необходимо ее развитие, в котором мало что сделано, кроме самых основ.

Меня могут спросить, не считаю ли я нужным пересмотреть свои теоретические выводы двадцать пять лет спустя. Должен сказать, по моему мнению, этот анализ, в своих существенных элементах, остается верным; он нуждается лишь в дальнейшем развитии и интерпретации. Отчасти я сам попытался это сделать с тех пор, как написал «Бегство от свободы». В книге «Здоровое общество» я расширил и углубил анализ современного общества; в книге «Человек как он есть» рассмотрел вопрос об этических нормах, основанных на нашем знании о человеке, а не на авторитете или откровении; в «Искусстве любви» исследовал различные аспекты этого чувства; в «Сути человека» проследил корни ненависти и влечения к разрушению; наконец, в книге «По ту сторону цепей иллюзии» я рассмотрел отношение между мыслями двух великих теоретиков динамической науки о человеке – Маркса и Фрейда.

Надеюсь, что это издание «Бегства от свободы» будет способствовать дальнейшему возрастанию интереса к динамической социальной психологии, побуждая молодых людей посвящать себя этой области науки, вызывающей столь живой интеллектуальный интерес именно потому, что она – в начале своего развития.

Свобода – психологическая проблема

Новую историю Европы и Америки обусловили усилия, направленные на завоевание свободы от политических, экономических и духовных оков, которые связывали человека. Угнетенные, мечтавшие о новых правах, боролись за свободу против тех, кто отстаивал свои привилегии. Но когда определенный класс стремился к своему собственному освобождению, он верил, что борется за свободу вообще, и, таким образом, мог идеализировать свои цели, мог привлечь на свою сторону всех угнетенных, в каждом из которых жила мечта об освобождении. Однако в ходе долгой, по существу, непрерывной борьбы за свободу те классы, которые поначалу сражались против угнетения, объединялись с врагами свободы, едва лишь победа была завоевана и появлялись новые привилегии, которые нужно было защищать.

Несмотря на многочисленные поражения, свобода в целом побеждала. Во имя ее победы погибло много борцов, убежденных в том, что лучше умереть за свободу, чем жить без нее. Такая гибель была наивысшим утверждением их личности. Казалось, история уже подтвердила, что человек способен управлять собой, сам принимать решения, думать и чувствовать так, как ему кажется верным. Полное развитие способностей человека казалось той целью, к которой быстро приближал процесс общественного развития. Стремление к свободе выразилось в принципах экономического либерализма, политической демократии, отделения церкви от государства и индивидуализма в личной жизни. Осуществление этих принципов, казалось, приближало человечество к реализации данного стремления. Оковы спадали одна за другой. Человек сбросил иго природы и сам стал ее властелином; он сверг господство церкви и абсолютистского государства. Ликвидация внешнего принуждения казалась не только необходимым, но и достаточным условием для достижения желанной цели – свободы каждого человека.

Первую мировую войну многие считали последней битвой, а ее завершение – окончательной победой свободы: существовавшие демократии, казалось, усилились, а взамен прежних монархий появились новые демократии. Но не прошло и нескольких лет, как возникли новые системы, перечеркнувшие все, что было завоевано веками борьбы, казалось, навсегда. Ибо сущность этих новых систем, практически полностью определяющих и общественную, и личную жизнь человека, состоит в подчинении всех совершенно бесконтрольной власти небольшой кучки людей.

На первых порах многие успокаивали себя мыслью, что победы авторитарных систем обусловлены сумасшествием нескольких личностей и что как раз это сумасшествие и приведет со временем к падению их режимов. Другие самодовольно полагали, что итальянский и германский народы прожили в демократических условиях слишком недолгий срок и поэтому надо просто подождать, пока они достигнут политической зрелости. Еще одна общепринятая иллюзия – быть может, самая опасная из всех – состояла в убеждении, что люди вроде Гитлера якобы захватили власть над государственным аппаратом лишь при помощи вероломства и мошенничества, что они и их подручные правят, опираясь на одно лишь грубое насилие, а весь народ является беспомощной жертвой предательства и террора.

За годы, прошедшие со времени победы фашистских режимов, ошибочность этих точек зрения стала очевидной. Нам пришлось признать, что в Германии миллионы людей отказались от своей свободы с таким же пылом, с каким их отцы боролись за нее; что они не стремились к свободе, а искали способ от нее избавиться; что другие миллионы были при этом безразличны и не считали, что за свободу стоит бороться и умирать. Вместе с тем мы поняли, что кризис демократии не является сугубо итальянской или германской проблемой, что он угрожает каждому современному государству. При этом совершенно несущественно, под каким знаменем выступают враги человеческой свободы. Если на свободу нападают во имя антифа-

шизма, то угроза не становится меньше, чем при нападении во имя самого фашизма *. Эта мысль настолько хорошо выражена Джоном Дьюи, что я приведу здесь его слова:

«Серьезная опасность для нашей демократии состоит не в том, что существуют другие, тоталитарные государства. Опасность в том, что в наших собственных личных установках, в наших собственных общественных институтах существуют те же предпосылки, которые в других государствах привели к победе внешней власти, дисциплины, единообразия и зависимости от вождей. Соответственно поле боя находится и здесь, в нас самих, и в наших общественных институтах» *.

Если мы хотим бороться с фашизмом, то мы должны его понимать. Домыслы нам не помогут, а повторение оптимистических формул столь же неадекватно и бесполезно, как ритуальный индейский танец для вызывания дождя.

Кроме проблемы экономических и социальных условий, способствовавших возникновению фашизма, существует и проблема человека как таковая, которую также нужно понять. Целью настоящей книги как раз и является анализ тех динамических факторов в психике современного человека, которые побуждают его добровольно отказываться от свободы в фашистских государствах и которые так широко распространены в миллионных массах нашего собственного народа.

Когда мы рассматриваем человеческий аспект свободы, когда говорим о стремлении к подчинению или к власти, прежде всего возникают вопросы:

Что такое свобода в смысле человеческого переживания? Верно ли, что стремление к свободе органически присуще природе человека? Зависит ли оно от условий, в которых живет человек, от степени развития индивида, достигнутого в определенном обществе на основе определенного уровня культуры? Определяется ли свобода одним лишь отсутствием внешнего принуждения или она включает в себя и некое присутствие чего-то, а если так, чего именно? Какие социальные и экономические факторы в обществе способствуют развитию стремления к свободе? Может ли свобода стать бременем, непосильным для человека, чем-то таким, от чего он старается избавиться? Почему для одних свобода – это заветная цель, а для других – угроза?

Не существует ли – кроме врожденного стремления к свободе – и инстинктивной тяги к подчинению? Если нет, то как объяснить ту притягательность, которую имеет сегодня для многих подчинение вождю? Всегда ли подчинение возникает по отношению к явной внешней власти или возможно подчинение интериоризованным авторитетам, таким, как долг и совесть, либо анонимным авторитетам вроде общественного мнения? Не является ли подчинение источником некоего скрытого удовлетворения; а если так, то в чем состоит его сущность?

Что пробуждает в людях ненасытную жажду власти? Сила их жизненной энергии или, наоборот, слабость и неспособность жить независимо от других? Какие психологические условия способствуют усилению этих стремлений? Какие социальные условия в свою очередь являются основой для возникновения этих психологических условий?

Анализ человеческих аспектов свободы и авторитаризма вынуждает нас рассмотреть ту роль, которую играют психологические факторы в качестве активных сил процесса общественного развития, а это приводит к проблеме взаимодействия психологических, экономических и идеологических факторов. Любая попытка понять ту притягательность, какую имеет фашизм для целых наций, вынуждает нас признать, роль психологических факторов. Здесь мы имеем дело с политической системой, которая, по существу, опирается отнюдь не на рациональные силы человеческого личного интереса. Она пробуждает в человеке такие дьявольские силы, в существование которых мы вообще не верили либо считали их давным-давно исчезнувшими.

В течение последних веков общераспространенное мнение о человеке состояло в том, что человек – разумное существо, деятельность которого определяется его интересами и способностью поступать в соответствии с ними. Даже авторы вроде Гоббса, считавшие жажду власти

и враждебность движущими силами человеческого поведения, объясняли наличие этих сил как логический результат личных интересов. Поскольку люди равны и одинаково стремятся к счастью, говорили они, а общественного богатства недостаточно, чтобы удовлетворить в равной степени всех, то неизбежна борьба; люди стремятся к власти, чтобы обеспечить себе и на будущее все то, что они имеют сегодня. Но схема Гоббса устарела. Средний класс добивался все больших успехов в борьбе с властью прежних политических и религиозных владык, человечество все больше преуспевало в овладении природой. Все прочнее становилось экономическое положение миллионов людей, и вместе с тем все больше укреплялась вера в разумность мира и в разумную сущность человека. Темные и дьявольские силы в человеческой природе были отосланы к средневековью либо к еще более отдаленным временам и объяснялись недостатком в те времена знаний или коварными происками священников и королей.

На те периоды истории оглядывались, как на потухший вулкан, давно уже неопасный. Все были уверены, что те зловещие силы полностью уничтожены достижениями современной демократии; мир казался ярким и безопасным, словно залитые светом улицы современных городов. Войны казались последними реликтами давних времен; не хватало лишь еще одной, самой последней, чтобы покончить с ними навсегда. Экономические кризисы считались случайностями, хотя эти случайности и повторялись регулярно.

Когда фашизм пришел к власти, люди в большинстве своем не были к этому готовы. Ни теоретически, ни практически. Они были не в состоянии поверить, что человек может проявить такую предрасположенность к злу, такую жажду власти, пренебрежение к правам слабых – и такое стремление к подчинению. Лишь немногие слышали клочкотание вулкана перед извержением. Благодушный оптимизм XIX века потревожили – с очень разных позиций – Ницше и Маркс; несколько позже прозвучало предостережение Фрейда. По сути дела, Фрейд и его ученики имели лишь очень наивное представление о процессах, происходящих в обществе; большинство его попыток приложения психологии к социальным проблемам вело к ошибочным построениям; но, посвящая свои интересы исследованию индивидуальных психических и умственных расстройств, он вел нас на вершину вулкана и заставлял смотреть в бурлящий кратер.

Никто до Фрейда не уделял такого внимания наблюдению и изучению иррациональных, подсознательных сил, в значительной мере определяющих человеческое поведение. Он и его последователи в современной психологии не только открыли подсознательный пласт в человеческой психике – само существование которого отрицалось рационалистами, – но и показали, что эти иррациональные явления подчиняются определенным законам и потому их можно вполне рационально объяснить. Он научил нас понимать язык снов и соматических симптомов, язык несообразностей в человеческом поведении. Он открыл, что эти несообразности – как и вся структура характера – представляют собой реакции на воздействия внешнего мира, особенно на те, которые имели место в раннем детстве.

Но Фрейд был настолько проникнут духом своей культуры, что не смог выйти за определенные, обусловленные ею границы. Эти границы не позволяли ему понять даже некоторых его больных и мешали ему разобраться в нормальных людях, а также в иррациональных явлениях общественной жизни.

Поскольку эта книга подчеркивает роль психологических факторов в общем процессе общественного развития и поскольку данный анализ основан на некоторых фундаментальных открытиях Фрейда – в частности, на роли подсознательных сил в человеческом характере и на зависимости этих сил от внешних воздействий, – я полагаю, что читателю будет полезно прежде всего ознакомиться с основными принципами нашего подхода к проблеме и с главными различиями между этим подходом и классическими концепциями Фрейда. *

Фрейд принял традиционную установку, противопоставляющую человека и общество, а также традиционную доктрину о порочности человеческой природы. По Фрейду, человек

в своей основе антисоциален. Общество должно приручать его, позволять ему какое-то удовлетворение его биологических – и поэтому непреодолимых – потребностей; но главная задача общества состоит в очищении и ограничении основных, низменных импульсов человека. В результате такого подавления этих импульсов происходит нечто волшебное: подавленные склонности превращаются в стремления, имеющие культурную ценность, и таким образом становятся основой культуры. Этот странный переход от подавленного состояния к цивилизованному поведению Фрейд обозначил словом «сублимация». Если степень подавления сильнее способности к сублимации, то индивиды становятся невротиками и подавление нужно ослабить. Но вообще существует обратная зависимость между удовлетворением человеческих стремлений и культурой: чем больше подавление, тем больше достижений культуры (и больше опасность невротических расстройств). В теории Фрейда отношение индивида к обществу является, по существу, статичным: индивид остается, в общем, одним и тем же, изменяясь лишь постольку, поскольку общество усиливает нажим на его естественные склонности (тем самым принуждая к большей сублимации) либо допускает их более полное удовлетворение (тем самым приносит в жертву культуру).

Фрейд не избежал ошибки своих предшественников, формулировавших так называемые основные инстинкты человека. Его концепция человеческой природы является в основном отражением тех важнейших стремлений, которые проявляются в современном человеке. В концепции Фрейда индивид его культуры представляет «человека» вообще; а страсти и тревоги, характерные для человека в нашем обществе, возводятся в ранг неизменных сил, коренящихся в биологической природе человека.

Можно привести множество примеров, иллюстрирующих сказанное (например, рассмотреть социальную основу враждебности в современном человеке, эдипова комплекса, или так называемого комплекса кастрации у женщин), но я хотел бы остановиться только на одном, поскольку это важно для всей концепции человека как существа социального. Фрейд всегда рассматривает человека в его отношениях с другими, но эти отношения представляются ему аналогичными тем экономическим отношениям, какие характерны для капиталистического общества. Каждый работает для себя, сам по себе, на свой риск и – первоначально – вне сотрудничества с остальными. Но он не Робинзон Крузо; ему эти остальные необходимы как покупатели, рабочие или работодатели; он должен покупать и продавать, давать и брать. Эти отношения регулируются рынком, идет ли речь о товарах или о рабочей силе. Таким образом, индивид, первоначально одинокий, входит в экономические отношения с другими людьми для достижения лишь одной цели – продать или купить. Фрейдова концепция человеческих отношений, по сути, копирует систему отношений экономических. Индивид является нам с полным набором биологически обусловленных потребностей, которые должны быть удовлетворены. Чтобы их удовлетворить, индивид вступает в отношения с другими. Таким образом, другие всегда являются «объектами», служат лишь средством для достижения цели: для удовлетворения каких-то стремлений, которые существуют в индивиде до того, как он вошел в контакт с другими. Поле человеческих взаимоотношений, по Фрейду, аналогично рынку; оно определяется обменом удовлетворения биологических потребностей. При этом связь с другим индивидом всегда является лишь средством достижения цели, а не целью как таковой.

В противоположность точке зрения Фрейда анализ, предложенный в этой книге, основан на предположении, что ключевой проблемой психологии является особого рода связанность индивида с внешним миром, а не удовлетворение или фрустрация тех или иных человеческих инстинктивных потребностей. Более того, мы предполагаем, что связь между человеком и обществом не является статичной. Нельзя представлять дело так, будто, с одной стороны, мы имеем индивида с определенным набором естественных потребностей, а с другой – отдельно и независимо от него – общество, которое эти потребности удовлетворяет или подавляет. Конечно, существуют определенные потребности, общие для всех, обусловленные при-

родой, – голод, жажда, секс, – но те стремления, которые приводят к различию человеческих характеров, – любовь или ненависть, жажда власти или тяга к подчинению, влечение к чувственному наслаждению или страх перед ним – все они являются продуктами социального процесса. Самые прекрасные, как и самые уродливые, наклонности человека не вытекают из фиксированной, биологически обусловленной человеческой природы, а возникают в результате социального процесса формирования личности. Иными словами, общество осуществляет не только функцию подавления, хотя и эту тоже, но и функцию созидания личности. Человеческая натура – страсти человека и тревоги его – это продукт культуры; по сути дела, сам человек – это самое важное достижение тех непрерывных человеческих усилий, запись которых мы называем историей.

Главная задача социальной психологии состоит как раз в том, чтобы понять процесс формирования человека в ходе истории. Почему происходят изменения в человеческом характере при переходе от одной исторической эпохи к другой? Почему дух Возрождения отличается от духа средневековья? Почему человеческий характер в условиях монополистического капитализма уже не таков, каким был в XIX веке? Социальная психология должна объяснить, почему возникают новые способности и новые страсти, хорошие и дурные. Так, например, мы обнаруживаем, что с эпохи Возрождения и до наших дней люди преисполнены пылким стремлением к славе. Это стремление, которое кажется столь естественным, было совсем нехарактерно для человека средневекового общества. *За тот же период в людях развилось осознание красоты природы, которого прежде просто не существовало *. В странах Северной Европы начиная с XVI века в людях развилась неумная страсть к труду, которой до того не было у свободного человека.

Но не только люди создаются историей – история создается людьми. Разрешение этого кажущегося противоречия и составляет задачу социальной психологии *. Она должна показать не только, как новые страсти, стремления и заботы возникают в результате социальных процессов, но и как человеческая энергия, в этих специфических формах ее проявления, в свою очередь становится активной силой, формирующей эти социальные процессы. Так, например, стремление к славе и успеху и потребность в труде явились силами, без которых не мог бы развиваться современный капитализм; без этих стимулов никто не смог бы вести себя в соответствии с экономическими и социальными требованиями современной торгово-промышленной системы.

Фрейд представлял себе историю как результат действия психических сил, не подверженных социальному влиянию. Из вышеизложенного ясно, что точка зрения, представленная в данной работе, отличается от точки зрения Фрейда, поскольку мы подчеркиваем свое несогласие с его интерпретацией. Вместе с тем мы подчеркиваем свое несогласие и с теми теориями, которые отрицают роль человеческого фактора в динамике общественного развития. Это относится не только к социологическим теориям, которые прямо стремятся убрать из социологии любые психологические проблемы, – как у Дюркгейма и его школы, – но и к тем, которые так или иначе связаны с бихевиористской психологией. Общей ошибкой всех этих теорий является убеждение, что у человеческой природы нет своей динамики, что психические изменения можно объяснить лишь как развитие новых «привычек», возникающих в процессе адаптации к изменившимся условиям.

Эти теории, якобы признающие психологический фактор, сводят его до уровня простого отражения определенных стандартов поведения в данном, определенном обществе. Лишь динамическая психология, основы которой были заложены Фрейдом, может помочь нам на деле понять человеческий фактор, а не только признать его на словах. Хотя фиксированной «человеческой природы» не существует, мы не можем рассматривать человеческую натуру как нечто беспредельно пластичное; как нечто готовое приспособиться к любым условиям без развития своей психической изменчивости. Хотя натура человека и является продуктом исто-

рической эволюции, она включает в себя и определенные наследственные механизмы, имеет определенные законы; психология должна эти механизмы и законы раскрыть.

Для полного понимания того, что было сказано до сих пор, и всего того, что последует ниже, здесь было необходимо определить понятие адаптации. Одновременно мы покажем, какой смысл вкладывается в понятие психических механизмов и законов.

Целесообразно различать «статическую» и «динамическую» адаптацию. Статической мы называем такую адаптацию, при которой характер человека остается неизменным и лишь появляются какие-то новые привычки, например переход от китайского способа еды палочками к европейскому – вилкой и ножом. Китаец, приехав в Америку, приспосабливается к этому новому для него обычаю, но такая адаптация сама по себе вряд ли приведет к изменению его личности – ни новых черт характера, ни новых стремлений он не приобретет.

Примером динамической адаптации может послужить такая, когда ребенок подчиняется строгому, суровому отцу; он слишком боится отца, чтобы поступать иначе, и становится «послушным». В то время как он приспосабливается к неизбежной ситуации, в нем что-то происходит. Может развиваться интенсивная враждебность по отношению к отцу, которую он будет подавлять, ибо не только проявить, но даже осознать ее было бы слишком опасно. Эта подавленная враждебность – хотя она никак не проявляется – становится динамическим фактором его характера. Она может усилить страх ребенка перед отцом и тем самым повести к еще большему подчинению; может вызвать беспредметный бунт – не против кого-либо конкретно, а против жизни вообще. Здесь, как и в первом случае, индивид приспосабливается к внешним условиям, но такое приспособление изменяет его; в нем возникают новые стремления, новые тревоги. Любой невроз – это пример подобной динамической адаптации к таким условиям, которые являются для индивида иррациональными – особенно в раннем детстве – и, вообще говоря, неблагоприятными для роста и развития ребенка. Аналогично социально-психологические явления, проявляющиеся у целых общественных групп и сопоставимые с невротическими, например наличие явно выраженных разрушительных или садистских импульсов, иллюстрируют динамическую адаптацию к социальным условиям, иррациональным и вредным для взрослых людей. Почему такие явления нельзя считать невротическими, мы обсудим позднее.

Кроме вопроса о том, какого рода адаптация имеет место в том или ином случае, необходимо ответить и на другие вопросы: что именно заставляет людей приспосабливаться почти к любым, хоть сколь-нибудь приемлемым условиям жизни и где границы этой приспособляемости? Прежде всего мы обращаем внимание на то, что одни черты человеческой природы являются более гибкими, а другие – менее. Те черты характера, те стремления, которые отличают людей друг от друга, проявляют чрезвычайно широкую эластичность. Дружелюбие или враждебность и разрушительность, жажда власти или стремление к подчинению, отчужденность, тенденция к самовозвеличению, скупость, тяга к чувственным наслаждениям или страх перед ними – все эти и многие другие стремления и страхи, которые можно обнаружить в человеке, развиваются как реакции на определенные условия жизни. Они достаточно устойчивы; превратившись в черты человеческого характера, они исчезают или трансформируются в другие побуждения с большим трудом. Но эти же черты характера являются гибкими в том смысле, что индивиды, особенно в детстве, развивают ту или иную склонность в соответствии с обстановкой, в которой им приходится жить. Ни одна из таких склонностей не является изначально присущей человеку.

В противовес этим приобретенным потребностям существуют и другие, обусловленные физиологической организацией человека. Утоление голода, жажды, сон и т. д. – все эти потребности действительно внутренне присущи природе человека и властно требуют удовлетворения. Для каждой из них существует определенный порог, за которым неудовлетворенность становится непереносимой; при переходе этого порога стремление к удовлетворению потреб-

ности становится всепоглощающим. Физиологически обусловленные потребности можно объединить и определить как потребность самосохранения. Она составляет такую часть природы человека, которая требует удовлетворения при любых условиях и поэтому является первичным мотивом человеческого поведения. Говоря проще, человек должен иметь возможность спать, есть, пить, защищать себя от врагов и т. д. Чтобы иметь такую возможность, он должен трудиться и создавать все для этого. Однако «труд» – это не абстрактная категория; труд всегда конкретен, это вполне определенная работа в определенной экономической системе. Крепостной крестьянин в феодальном хозяйстве, земледелец в индейском пуэбло, независимый предприниматель в капиталистическом обществе, продавщица универмага, рабочий у конвейера на заводе – эти различные виды деятельности требуют совершенно различных характеров и приводят к различным отношениям с окружающими. Стоит человеку родиться, и он оказывается на уже готовой сцене. Он должен есть и пить, поэтому должен работать; а условия и способы его работы детерминированы тем обществом, в котором он родился. Оба фактора – его потребность жить и социальная система – не могут быть изменены одним, отдельно взятым индивидом; эти факторы и определяют развитие тех его черт, которые имеют большую пластичность.

Образ жизни, обусловленный особенностями экономической системы, превращается в основополагающий фактор, определяющий характер человека, ибо властная потребность самосохранения вынуждает его принять условия, в которых ему приходится жить. Это вовсе не значит, что он не может стремиться вместе с другими к каким-то экономическим и политическим переменам; но первоначально его личность формируется определенным образом жизни, поскольку семья всегда имеет характерные признаки своего общества или класса, так что ребенок неизбежно сталкивается с ними *.

Физиологические потребности – это не единственная необходимо присущая, императивная часть природы человека. Есть еще одна, столь же непреодолимая; она не коренится в физиологических процессах, но составляет самую сущность человеческого бытия – это потребность связи с окружающим миром, потребность избежать одиночества. Чувство полного одиночества ведет к психическому разрушению, так же как физический голод – к смерти. Эта связанность с другими не идентична физическому контакту. Индивид может быть физически одинок, но при этом связан с какими-то идеями, моральными ценностями или хотя бы социальными стандартами – и это дает ему чувство общности и «принадлежности». Вместе с тем индивид может жить среди людей, но при этом испытывать чувство полной изолированности; если это переходит какую-то грань, то возникает умственное расстройство шизофренического типа. Отсутствие связанности с какими-либо ценностями, символами, устоями мы можем назвать моральным одиночеством. И можем утверждать, что моральное одиночество так же непереносимо, как и физическое; более того, физическое одиночество становится невыносимым лишь в том случае, если оно влечет за собой и одиночество моральное.

Духовная связанность с миром может принимать самые различные формы: отшельник в своей келье, верящий в бога, или политзаключенный в одиночке, чувствующий единство с товарищами по борьбе, – они не одиноки морально. Английский джентльмен, не снимающий смокинга в самой экзотической обстановке, или мелкий буржуа, оторванный от своей среды, – они чувствуют себя заодно со своей нацией или какими-то ее символами. Связанность с миром может носить возвышенный или тривиальный характер, но, даже если она основана на самых низменных началах, все равно она гораздо предпочтительнее одиночества. Религия и национализм, как и любые обычаи, любые предрассудки – даже самые нелепые и унижительные, – спасают человека, если связывают его с другими людьми, от самого страшного – изоляции.

Насущная потребность спастись от моральной изоляции ярко описана Бальзаком в «Страданиях изобретателя» *.

«Так запомни же, запечатлей это в своем еще столь восприимчивом мозгу: человека страшит одиночество. А из всех видов одиночества страшнее всего одиночество душевное. Отшельники древности жили в общении с богом, они пребывали в самом населенном мире, в мире духовном... Первая потребность человека, будь то прокаженный или каторжник, отверженный или недужный, – обрести товарища по судьбе. Жажда утолить это чувство, человек расточает все свои силы, все свое могущество, весь пыл своей души. Не будь этого всепожирающего желания, неужто сатана нашел бы себе сообщников? Тут можно написать целую поэму, как бы вступление к „Потерянному раю“, этому поэтическому оправданию мятежа».

Попытка ответить на вопрос, почему в человеке так силен страх перед изоляцией, увела бы нас далеко от темы, которую мы исследуем в этой книге. Но чтобы читатель не подумал, что в этом стремлении быть заодно с другими есть что-то мистическое, я хотел бы наметить направление, в котором можно искать ответ.

Важная сторона дела состоит в том, что человек не может жить без какого-то сотрудничества с другими. В любом мыслимом обществе человек должен объединяться с другими, если вообще хочет выжить, либо для защиты от врагов и опасностей природы, либо для того, чтобы иметь возможность трудиться и производить средства к жизни. Даже у Робинзона был свой Пятница, без которого он, наверно, не только в конце концов сошел бы с ума, но и умер. Необходимость в помощи особенно ощутима в раннем детстве. Младенец не в состоянии самостоятельно выполнять важнейшие жизненные функции, поэтому связь с другими людьми – для него вопрос жизни и смерти. Оказаться в одиночестве – это серьезнейшая угроза самому существованию ребенка.

Однако есть еще одна причина, по которой принадлежность к общности становится столь насущно необходимой: это субъективное самосознание. Способность мыслить позволяет человеку – и заставляет его – осознать себя как индивидуальное существо, отдельное от природы и от остальных людей. Как будет показано в следующей главе, степень этого осознания может быть различной, но оно существует всегда. И в результате возникает сугубо человеческая проблема: сознавая свою отдельность, сознавая – пусть даже очень смутно – неизбежность болезней, старости и смерти, человек не может не чувствовать, как он незначителен, как мало значит в сравнении с окружающим миром, со всем тем, что не входит в его «я». Если он не принадлежит к какой-то общности, если его жизнь не приобретает какого-то смысла и направленности, то он чувствует себя пылинкой, ощущение собственной ничтожности его подавляет. Человек должен иметь возможность отнести себя к какой-то системе, которая бы направляла его жизнь и придавала ей смысл; в противном случае его переполняют сомнения, которые в конечном счете парализуют его способности действовать, а значит, и жить.

Прежде чем продолжать исследование, полезно резюмировать наш общий подход к проблемам социальной психологии. Человеческая натура – это не сумма врожденных, биологически закрепленных побуждений, но и не безжизненный слепок с матрицы социальных условий; это продукт исторической эволюции в синтезе с определенными врожденными механизмами и законами. Натуре человека присущи некоторые неизменные факторы: необходимость удовлетворять физиологические потребности и необходимость избегать морального одиночества. Мы видели, что индивид вынужден принять образ жизни, коренящийся в системе производства и распределения, свойственной каждому данному обществу. В процессе динамической адаптации к этому образу жизни в индивиде развивается ряд мощных стимулов, мотивирующих его чувства и действия. Эти стимулы могут осознаваться индивидом, а могут и не осознаваться, но в обоих случаях они являются сильными факторами его психики и, однажды возникнув, требуют удовлетворения. Стремление к удовлетворению этих новых потребностей побуждает людей к определенным поступкам и таким образом в свою очередь становится активной силой, воздействующей на процесс общественного развития. Как именно взаимодействуют экономические, психологические и идеологические факторы и какие общие выводы

можно сделать в отношении этого взаимодействия, это мы рассмотрим ниже, при анализе Реформации и фашизма *.

В основу нашего исследования будет положена главная идея этой книги: человек перерастает свое первоначальное единство с природой и с остальными людьми, человек становится «индивидом» – и чем дальше заходит этот процесс, тем категоричнее альтернатива, встающая перед человеком. Он должен суметь воссоединиться с миром в спонтанности любви и творческого труда или найти себе какую-то опору с помощью таких связей с этим миром, которые уничтожают его свободу и индивидуальность *.

Обособление индивида и двойственность свободы

Прежде чем перейти к основной нашей теме – к вопросу о том, что означает свобода для современного человека, почему и как он стремится избавиться от нее, – мы должны обсудить концепцию, которая может показаться несколько отвлеченной. Однако ее понимание очень важно для анализа свободы в современном обществе. Я имею в виду утверждение, что свобода определяет человеческое существование как таковое, а кроме того, что понятие свободы меняется в зависимости от степени осознания человеком себя самого как независимого и отдельного существа.

Социальная история человека началась с того, что он вырос из состояния единства с природой, осознав себя как существо, отдельное от окружающего мира и от других людей. В течение долгого времени это осознание было весьма смутным. Индивид оставался тесно связанным с природным и социальным миром; уже сознавая себя как отдельное существо, он в то же время чувствовал себя частью окружающего мира. Процесс растущего обособления индивида от первоначальных связей – мы можем назвать этот процесс «индивидуализацией», – по-видимому, достиг наивысшей стадии в Новое время, то есть от эпохи Возрождения и до наших дней.

В истории жизни каждого индивида мы видим тот же процесс. Родившись, ребенок уже не составляет единого целого с матерью и становится биологическим существом, отдельным от нее. Однако, хотя такое биологическое разделение является началом индивидуального существования человека, ребенок в течение долгого времени сохраняет функциональное единство с матерью.

Пока и поскольку индивид, фигурально выражаясь, не порвал пуповину, связывающую его с внешним миром, он не свободен; но эти узы дают ему ощущение принадлежности к чему-то, как бы гарантируют ему безопасность существования за счет корней в какой-то почве. Я предлагаю назвать эти узы, существующие до того, как процесс индивидуализации приводит к полному обособлению индивида, «первичными узами». Они органичны – в том смысле, что являются естественным фактором нормального человеческого развития. Они предполагают отсутствие индивидуальности, но дают индивиду уверенность и жизненную ориентацию. Эти узы связывают ребенка с матерью, первобытного человека с его племенем и с природой, а средневекового – с церковью и с его сословием. Когда достигается полная индивидуализация, когда человек освобождается от этих первичных уз, перед ним встает новая задача: сориентироваться и укорениться в мире, найти для себя какие-то новые гарантии, которые просто не были нужны при его прежнем существовании. При этом свобода приобретает другое, новое содержание. Здесь мы должны остановиться и уточнить эти понятия, рассмотрев их более подробно в связи с индивидуальным и общественным развитием.

Относительно быстрый переход от внутриутробного к собственному существованию, обрыв пуповины обозначают начало независимости ребенка от тела матери. Но эту независимость можно понимать лишь в грубом смысле разделения двух тел. В функциональном смысле младенец остается частью тела матери. Она его кормит, ухаживает за ним и оберегает его. Постепенно ребенок приходит к осознанию того, что его мать и другие объекты – это нечто отдельное от него. Одним из факторов этого процесса является психическое и общее физическое развитие ребенка, его способность схватывать объекты – физически и умственно – и овладевать ими. Ребенок осваивает окружающий мир через посредство собственной деятельности. Процесс индивидуализации ускоряется воспитанием. При этом возникает ряд фрустраций, запретов, и роль матери меняется: выясняется, что цели матери не всегда совпадают с желаниями ребенка, иногда мать превращается во враждебную и опасную силу *. Этот антагонизм, который является неизбежной частью процесса воспитания, становится важным фактором, обостряющим осознание различия между «я» и «ты».

Проходит несколько месяцев, прежде чем младенец вообще начинает воспринимать других людей как других и становится способен реагировать на них улыбкой, но лишь через годы он перестанет смешивать себя с миром *. До тех пор ребенок проявляет специфический, свойственный детям эгоцентризм, который вовсе не исключает интереса и нежности к другим людям, но «другие» еще не вполне осознаются как действительно отдельные от него. По той же причине отношение к власти в ранние детские годы и в последующее время принципиально отличается своим содержанием. Родители – или кто-то другой, кто олицетворяет власть, – еще не осознаются как совершенно отдельные существа: они являются частью мира ребенка, а весь этот мир еще является частью его самого. Поэтому подчинение родителям – это совсем не то подчинение, какое имеет место, когда ребенок становится по-настоящему отдельным существом.

Р. Хьюз в романе «Сильный ветер на Ямайке» *замечательно описал, как десятилетний ребенок внезапно осознает свою индивидуальность.

«И тут с Эмили что-то случилось, очень важное. Она вдруг поняла, кто она. Трудно сказать, почему это не произошло за пять лет до этого или не могло бы произойти еще через пять; и уж совсем непонятно, почему это пришло как раз в тот день. Только что она играла в дом, на самом носу корабля, в укромном уголке за брашпилем (на нем висел чертов палец вместо дверного молотка). Потом игра эта ей как-то наскучила, и она пошла на корму, просто так. И по дороге что-то думала про пчел и про сказочную принцессу, и вдруг в мозгу у нее сверкнуло, что она – *это она*. Эмили остановилась как вкопанная и стала оглядывать себя всю – все, что можно было увидеть. Видно было не так уж много – платье спереди да руки, когда подняла их, чтобы рассмотреть, – но этого оказалось достаточно, чтобы составить представление о маленьком теле, про которое она вдруг поняла, что это – ее тело.

Она рассмеялась, даже с издевкой, пожалуй. Подумала: «Вот это да! Это ж надо, что *тебя* – из всех людей как раз тебя – вот так поймали! И теперь ведь никуда не деться, не вылезть. Во всяком случае, не скоро: это надо вырасти, прожить всю жизнь, состариться – тогда только избавишься от этого дурацкого наряда!»

Дело было исключительно важное: она решила уберечься от возможных помех и полезла по выбленкам на свою любимую смотровую площадку у самого верха мачты. Лезть было совсем просто, но каждый раз, как она двигала ногой или рукой, ее снова и снова изумляло, до чего послушно они двигаются. Память ей, конечно, подсказывала, что так было всегда, но раньше она не замечала, насколько это удивительно. Устроившись на своей площадке, она занялась изучением кожи на руках и делала это чрезвычайно внимательно: ведь эта была *ее* кожа. Потом высвободила плечо из-под платья, заглянула себе за пазуху – убедиться, что под одеждой она тоже есть, и при этом коснулась плечом щеки. Когда теплая ямка голого плеча коснулась лица, ощущение было такое, будто ее приласкал кто-то добрый-добрый. Но откуда пришло это ощущение – от щеки или от плеча и кто кого погладил – щека плечо или плечо щеку, – этого она никак не могла понять.

Окончательно убедившись в том потрясающем факте, что теперь она – Эмили Бас-Торнтон (откуда взялось это «теперь», она не знала; уж конечно, ей не приходила в голову такая чушь, будто раньше она была кем-то другим), она стала размышлять, что же теперь будет».

По мере роста ребенка – по мере того, как рвутся первичные связи, – у него развивается стремление к свободе и независимости. Но что происходит с этим стремлением, это мы можем понять лишь в том случае, если примем во внимание диалектический характер процесса растущей индивидуализации. Этот процесс имеет два аспекта.

Прежде всего, ребенок становится сильнее и физически, и эмоционально, и интеллектуально; активность и энергия развиваются в каждой из этих сфер. В то же время эти сферы все больше интегрируются; развивается определенная структура, руководимая волей и разумом индивида. Если мы назовем эту структуру – совокупность черт характера, стремлений, разума

и воли индивида – личностью, то можно сказать, что первым аспектом растущей индивидуальности является развитие личности. Границы роста индивидуализации и развитие личности в какой-то мере определяются и индивидуальными условиями, но в основном – социальными. Различия между индивидами в каждом обществе кажутся значительными, но в любом обществе существует определенный предел индивидуализации, за который нормальный индивид выйти не может.

Другой аспект процесса индивидуализации – *растущее одиночество*. Первичные узы обеспечивают фундаментальное единство с окружающим миром и ощущение безопасности. По мере того как ребенок обособляется от этого мира, он начинает осознавать свое одиночество, свою отдельность от других. Эта отделённость от мира, который в сравнении с индивидуальным существом представляется ошеломляюще громадным, мощным – а иногда и опасным, угрожающим, – порождает чувство незащитности и тревоги. Пока человек был неотделимой частью мира, пока не осознавал ни возможностей, ни последствий индивидуальных действий, ему не приходилось и бояться его. Но, превратившись в индивида, он остается один на один с этим миром, ошеломляющим и грозным.

Возникает стремление отказаться от своей индивидуальности, побороть чувство одиночества и беспомощности, а для этого – слиться с окружающим миром, раствориться в нем. Однако новые узы, возникающие из этого стремления, не идентичны первичным связям, которые были оборваны в процессе роста. Ребенок не может физически вернуться в материнское лоно; точно так же невозможно повернуть вспять и психический процесс индивидуализации. Попытки такого возврата неминуемо принимают характер подчинения, при котором, однако, никогда не исчезают противоречия между властью и ребенком, подчиняющимся этой власти. Сознательно ребенок может считать себя удовлетворенным, но подсознательно он чувствует, что платит за ощущение безопасности полноценностью и силой своей личности. В конечном итоге подчинение приводит к обратному результату: неуверенность ребенка возрастает, и в то же время в нем развивается враждебность и мятежность, которые тем более опасны, что направлены против людей, от которых он продолжает зависеть (или стал зависим).

Однако подчинение – это не единственный способ избавиться от одиночества и тревоги. Другой путь – единственно продуктивный, не приводящий к неразрешимым конфликтам, – это путь спонтанных связей с людьми и природой, то есть таких связей, которые соединяют человека с миром, не уничтожая его индивидуальности. Такие связи, наивысшими проявлениями которых являются любовь и творческий труд, коренятся в полноте и силе целостной личности и поэтому не ограничивают развитие личности, а способствуют этому развитию до максимально возможных пределов.

Итак, растущая индивидуализация приводит либо к подчинению, либо к спонтанной активности. Ниже мы обсудим эту проблему более детально; здесь же я хочу указать на общий принцип: процесс, который развивается на основе растущей индивидуализации и растущей свободы индивида, является диалектическим. Ребенок становится более свободным, он может развивать и выражать свою сущность, не стесненную больше теми узами, которые ограничивали ее прежде. Но при этом ребенок освобождается от мира, дававшего ему безопасность и покой. Процесс индивидуализации – это процесс усиления и развития его личности, его собственного «я»; но в ходе этого процесса утрачивается идентичность с остальными людьми, ребенок отделяется от них. Прогрессирующее отделение может привести к изоляции, которая перерастает в потерянность и порождает интенсивную тревогу и неуверенность; оно же может привести и к принципиально новой близости: к солидарности с другими людьми, если ребенок окажется в состоянии развить в себе внутреннюю силу и творческую активность, которые являются предпосылками этого нового типа связанности с миром.

Если бы каждый шаг в направлении отделения и индивидуализации сопровождался соответствующим ростом личности, развитие ребенка было бы гармонично. Этого, однако, не про-

исходит. В то время как процесс индивидуализации происходит автоматически, развитие личности сдерживается целым рядом психологических и социальных причин. Разрыв между этими тенденциями приводит к невыносимому чувству изоляции и бессилия, а это в свою очередь приводит в действие психические механизмы, которые будут описаны ниже как механизмы *избавления, бегства*.

Историю человека можно рассматривать как процесс растущей индивидуализации и растущего освобождения также и в филогенетическом плане. Именно первые шаги, направленные к освобождению от принуждающих инстинктов, вывели человека из дочеловеческого состояния. Под инстинктами мы понимаем специфические шаблоны деятельности, обусловленные наследственными нервными структурами, которые в чистом виде можно наблюдать только в животном мире *. Чем ниже уровень развития животного, тем в большей степени его приспособление к природе и вся его деятельность определяются механизмами инстинктивных и рефлекторных действий. Знаменитая сложная организация жизни некоторых насекомых основана исключительно на инстинктах. Но чем уровень развития животного выше, тем более гибким является его поведение. И тем менее всеохватывающей оказывается врожденная адаптация при его появлении на свет. Эта тенденция достигает вершины у человека. При рождении он самое беспомощное из всех животных; его приспособление к природе основано главным образом на процессе обучения, а не на инстинктивной предопределенности. «Инстинкт... это ослабленная, если не исчезающая категория у высших форм животных, в особенности у человека» *.

Человеческое существование начинается тогда, когда достигает определенного предела развитие деятельности, не обусловленной врожденными механизмами: приспособление к природе утрачивает принудительный характер, и способы действий уже не определяются наследственностью, инстинктами. Иными словами, *человеческое существование и свобода с самого начала неразделимы*. Здесь имеется в виду не позитивная «свобода чего-то» а негативная «свобода от чего-то» – в данном случае свобода от инстинктивной предопределенности действий.

Такая свобода представляет собой весьма сомнительное преимущество. Человек рождается без врожденной способности к необходимым действиям, какая есть у животных *; он зависит от родителей дольше, чем любое из них; его реакции на окружающую обстановку не так быстры и не так эффективны, как инстинктивные действия, выполняемые автоматически. Он подвержен всем опасностям и страхам, проистекающим из этой недостаточности его врожденных инстинктов. Однако именно эта беспомощность явилась той почвой, на которой развился и вырос человек: *биологическое несовершенство человека обусловило появление цивилизации*.

С самого начала своего существования человек сталкивается с выбором между различными способами действий. У животных существуют непрерывные цепи рефлекторных реакций, которые начинаются со стимула, например голода, и ведут к более или менее строго определенному поведению, позволяющему избавиться от напряжения, вызываемого стимулом. У человека эти цепи разорваны. Стимулы присутствуют, но способы удовлетворения – «открытые», то есть человек должен выбирать между различными действиями; он начинает думать. Его роль по отношению к природе меняется: вместо того, чтобы действовать на основе инстинктивной предопределенности, человеку приходится оценить в уме различные способы действия; от пассивного приспособления он переходит к активному, то есть начинает трудиться. Он изобретает орудия труда и тем самым, овладевая природой, отделяется от нее все больше и больше. Он начинает смутно осознавать, что он – или, точнее, группа, к которой он принадлежит, – это не то же самое, что природа вокруг. В нем пробуждается сознание трагичности своей судьбы: быть частью природы, но не вписываться в нее. Он осознает, что в конце концов его ожидает смерть, хотя и пытается отрицать это в различных фантазиях.

Фундаментальная связь между человеком и свободой чрезвычайно показательна отображена в библейском мифе об изгнании из рая. Миф отождествляет начало человеческой исто-

рии с актом выбора, но при этом особо подчеркивает греховность этого первого акта свободы и те страдания, которые явились его следствием. Мужчина и женщина живут в садах Эдема в полной гармонии друг с другом и природой. Там мир и покой, там нет нужды в труде; нет выбора, нет свободы, даже размышления не нужны. Человеку запрещено вкушать от древа познания добра и зла. Он нарушает этот запрет и лишает себя гармонии с природой, частью которой он являлся, пока не вышел за ее пределы. С точки зрения церкви, представляющей собой определенную структуру власти, этот поступок является бесспорно греховным. Однако с точки зрения человека, это – начало человеческой свободы. Нарушив установленный богом порядок, он освободился от принуждения, возвысился от бессознательного предчеловеческого существования до человеческого. Нарушение запрета, грехопадение, в позитивном человеческом смысле является первым актом выбора, актом свободы, то есть первым человеческим актом вообще. Согласно мифу, формально грех состоял в том, что человек вкусил от древа познания. Таким образом, акт неподчинения, акт свободы прямо связывается с началом человеческого мышления.

Миф говорит и о других последствиях этого первого акта свободы. Разрушается первоначальная гармония между человеком и природой. Бог объявляет войну между мужчиной и женщиной, между человеком и природой. Человек отделился от природы; став «индивидом», он сделал первый шаг к тому, чтобы стать человеком. Он совершил первый акт свободы, и миф подчеркивает страдания, возникшие в результате этого акта. Обособившись от природы, отделившись от другого человеческого существа, человек видит себя нагим и ощущает стыд. Он одинок и свободен, но беспомощен и напуган. Только что обретенная свобода оборачивается проклятием: человек свободен от сладостных уз рая, но не свободен сам собой руководить, не может реализовать свою личность. «Свобода от...» не идентична позитивной свободе. Выход человека из природы – это длительный процесс; человек остается в значительной степени привязан к тому миру, из которого вышел; он остается частью природы. Тут и земля, на которой он живет, и солнце, и луна, и звезды; деревья, и цветы, и животные, и люди, с которыми он связан кровным родством. Первобытные религии свидетельствуют о чувстве единства человека с природой. Живая и даже неживая природа является в них частью человеческого мира; иными словами, человек сам остается еще частью мира природы.

Первичные узы блокируют его человеческое развитие. Они стоят на пути развития его разума и критических способностей; они позволяют ему осознавать себя и других лишь в качестве членов племени, социальной или религиозной общины, а не в качестве самостоятельных человеческих существ. Другими словами, первичные узы мешают человеку стать свободным творческим индивидом, самостоятельно определяющим собственную жизнь. Но это лишь одна сторона дела, а есть еще и другая. Та же идентичность с природой, племенем, религией дает индивиду ощущение уверенности. Он принадлежит к какой-то целостной структуре, он является частью этой структуры и занимает в ней определенное, бесспорное место. Он может страдать от голода или угнетения, но ему не приходится страдать от наихудшего – от полного одиночества и сомнений.

Как видим, процесс развития человеческой свободы имеет тот же диалектический характер, какой мы обнаружили в процессе индивидуального роста. С одной стороны, это процесс развития человека, овладения природой, возрастания роли разума, укрепления человеческой солидарности. Но с другой – усиление индивидуализации означает и усиление изоляции, неуверенности; а следовательно, становится все более сомнительным место человека в мире и смысл его жизни. Вместе с этим растет и чувство бессилия и ничтожности отдельного человека.

Если бы процесс развития человечества был гармоничным, если бы он следовал определенному плану, то обе стороны этого развития – растущее могущество и растущая индивидуализация – могли бы уравновеситься. На самом же деле история человечества – это история конфликта и разлада.

Каждый шаг по пути большей индивидуализации угрожал людям новыми опасностями. Первичные узы, уже разорванные, невозстановимы; человек не может вернуться в потерянный рай. Для связи индивидуализированного человека с миром существует только один продуктивный путь: активная солидарность с другими людьми, спонтанная деятельность (любовь и труд), которые снова соединяют его с миром, но уже не первичными узами, а как свободного и независимого индивида.

Однако если экономические, социальные и политические условия, от которых зависит весь процесс индивидуализации человека, не могут стать основой для такой позитивной реализации личности, но в то же время люди утрачивают первичные связи, дававшие им ощущение уверенности, то такой разрыв превращает свободу в невыносимое бремя: она становится источником сомнений, влечет за собой жизнь, лишённую цели и смысла. И тогда возникает сильная тенденция избавиться от такой свободы: уйти в подчинение или найти какой-то другой способ связаться с людьми и миром, чтобы спастись от неуверенности даже ценой свободы.

История Европы и Америки с конца средних веков – это история полного обособления индивида. Этот процесс начался в Италии в эпоху Возрождения и, по-видимому, достиг своей наивысшей точки только сейчас. Потребовалось больше четырехсот лет, чтобы разрушить средневековый мир и освободить людей от самых явных ограничений. Во многих отношениях индивид вырос, развился умственно и эмоционально; степень его участия в культурных достижениях приобрела неслыханные прежде масштабы. Но в то же время диспропорция между свободой от каких-либо связей и ограниченными возможностями для позитивной реализации свободы и индивидуальности привела в Европе к паническому бегству от свободы в новые узы или по меньшей мере к позиции полного безразличия.

Наше исследование значения свободы для современного человека мы начнем с анализа той обстановки, которая существовала в Европе в средние века и в начале Нового времени. В этот период экономический базис западного общества претерпел радикальные перемены, которые сопровождалась столь же радикальными изменениями в психике человека. Тогда же возникла и новая концепция свободы, получившая наиболее яркое идеологическое выражение в новых религиозных доктринах Реформации. Понимание свободы в современном обществе невозможно без рассмотрения этого периода, в течение которого закладывались основы современной культуры. Именно тогда – в начале формирования современного человека – яснее, чем в любое последующее время, проявилась та свойственность свободы, с которой мы имеем дело в течение всего Нового времени: с одной стороны, растущая независимость человека от внешних властей, с другой – его растущая изолированность, а в результате и растущее чувство ничтожности и бессилия. Мы сможем лучше понять новые элементы в характере современного человека, если проследим их возникновение. Изучая основные особенности капитализма и индивидуализма у самых истоков их появления, мы можем сопоставить их с экономической системой и с типом характера личности, которые фундаментально отличались от наших. Именно этот контраст позволяет лучше осветить характерные черты современной социальной системы и то влияние, которое она оказывает на характеры людей, живущих в этой системе. А отсюда и особенности нового духа, возникшего в результате этих изменений в человеческой психике.

В следующей главе будет показано, что условия эпохи Реформации были гораздо ближе к современным, чем это кажется на первый взгляд. Несмотря на все очевидные различия между двумя эпохами, с XVI века, пожалуй, не было другого периода, который был бы настолько похож на нынешнее время – с точки зрения двойственного смысла свободы, – как период Реформации. Реформация – это один из источников идеи свободы и автономии человека в том виде, как эта идея представлена в современных демократиях. Всегда подчеркивается именно этот аспект Реформации, особенно в некатолических странах. При этом, однако, забывают о другом аспекте Реформации: об ее акценте на порочность человеческой природы, на ничтож-

ность и беспомощность индивида, на необходимость подчинения индивида внешней силе. Та же идея ничтожности отдельной личности, ее принципиальной неспособности полагаться на себя, ее потребности в подчинении составляет главный тезис идеологии Гитлера, в которой, однако, не нашлось места для понятий свободы и моральных принципов, характерных для протестантства.

Это идеологическое подобие не единственное, что делает изучение XV и XVI веков особенно полезным для понимания современной картины. Налицо также фундаментальное сходство социальной обстановки. Я постараюсь показать, как от этого сходства зависит сходство идеологическое и психологическое. В те времена, как и ныне, традиционные жизненные устои значительной части населения находились под угрозой вследствие революционных перемен в экономическом и социальном плане; средний класс, как и теперь, испытывал особенно сильный страх перед подавляющей мощью крупного капитала и монополий, и этот страх оказывал существенное влияние на дух и идеологию той части общества, которая находилась под угрозой, обостряя чувства одиночества и бессилия, присущие отдельно взятым людям.

Свобода в эпоху реформации

1. Средневековая предыстория и Возрождение

Картина средних веков искажалась двояко *. Современный рационализм рассматривал средние века как мрачный период истории. Подчеркивались отсутствие личной свободы, эксплуатация массы населения незначительным меньшинством, узость взглядов, при которой даже крестьянин из соседней деревни – не говоря уж об иностранце – казался горожанину подозрительным и опасным чужаком, а также всеобщее невежество и власть предрассудков. Вместе с тем средние века идеализировались. Как правило, это делали реакционные философы, но иногда и прогрессивные критики современного капитализма. Они указывали на чувство солидарности, на подчиненность экономики человеческим нуждам, на прямоту и конкретность человеческих взаимоотношений, наднациональный характер католической церкви и чувство уверенности, которое было свойственно человеку средних веков. Обе эти картины верны, но каждая становится неверной, если рисовать лишь ее, закрывая глаза на другую.

Средневековое общество в отличие от современного характеризовалось отсутствием личной свободы. В раннем средневековье каждый был прикован к своей роли в социальном порядке. Человек почти не имел шансов переместиться социально – из одного класса в другой – и едва мог перемещаться даже географически, из города в город или из страны в страну. За немногими исключениями, он должен был оставаться там, где родился. Часто он даже не имел права одеваться как ему нравилось или есть что ему хотелось. Ремесленник был обязан продавать за определенную цену, а крестьянин – в определенном месте, на городском рынке. Член цеха не имел права передавать технические секреты своего производства кому бы то ни было за пределами цеха и был обязан допускать своих коллег по цеху к участию в каждой выгодной сделке по приобретению материалов. Личная, экономическая и общественная жизнь регламентировалась правилами и обязанностями, которые распространялись практически на все сферы деятельности.

Но хотя человек не был свободен в современном смысле, он не был при этом ни одинок, ни изолирован. Занимая определенное, неизменное и бесспорное место в социальном мире с самого момента рождения, человек был закреплен в какой-то структурированной общности; его жизнь была с самого начала наполнена смыслом, что не оставляло места сомнениям, они и не возникали. Личность отождествлялась с ее ролью в обществе; это был крестьянин, ремесленник или рыцарь, но *не индивид*, который *по своему выбору* занимается тем или иным делом. Социальный строй рассматривался как естественный порядок, и, будучи определенной частью этого порядка, человек ощущал уверенность, чувство принадлежности к нему. Конкуренция была сравнительно невелика. При рождении человек попадал в определенное экономическое положение, которое гарантировало ему определенный, освященный традицией жизненный уровень, хотя и влекло за собой экономические обязательства по отношению к вышестоящим в социальной иерархии. Однако в пределах своей социальной сферы индивид имел достаточную свободу выражения собственной личности в труде и в эмоциональной жизни. Хотя в то время не существовало индивидуализма в современном смысле неограниченного выбора жизненных путей (эта свобода выбора в значительной мере абстрактна), зато было достаточно много проявлений *конкретного индивидуализма в реальной жизни*.

Было много страданий, много боли, но была и церковь, которая в какой-то степени облегчала эти страдания, объясняя их как расплату за грех Адама и собственные грехи каждого страждущего. Церковь внушала индивиду чувство вины, но в то же время заверяла его в своей безусловной любви и давала возможность всем своим детям верить в то, что Господь их любит и простит. В отношении к богу было гораздо больше доверия и любви, чем сомнения и страха. И крестьянин, и горожанин редко выходили за пределы небольшой географической области, где протекала их жизнь, так что мир был ограничен и понятен. Земля и человек были в цен-

тре этого мира; в будущей жизни каждого ожидал или рай, или ад; и вся жизнь от рождения и до смерти была ясна и понятна в причинной взаимосвязи поступков человека.

Таким образом, средневековое общество, с одной стороны, было структурировано и давало человеку ощущение уверенности, а с другой – держало его в оковах. Однако эти оковы имели совсем не тот характер, какой присущ авторитаризму и угнетению последующих веков. Средневековое общество не лишало индивида свободы уже потому, что «индивида» как такового еще не существовало. Человек еще был связан с миром первичными узами; он видел себя лишь через призму своей общественной роли (которая была в то же время и его естественной ролью), а не в качестве индивидуальной личности. Точно так же и любой другой человек не воспринимался как «индивид». Крестьянин, приехавший в город, был чужаком; даже внутри города представители разных социальных групп рассматривали друг друга как чужих. Осознание человеческой индивидуальности, индивидуальной личности еще не было развито, как и осознание того, что другие люди – и мир вообще – представляют собой нечто отдельное.

Недостаток самосознания индивида в средневековом обществе нашел классическое выражение в описании средневековой культуры, которое дал Якоб Буркхардт.

«В средние века обе стороны самосознания по отношению к внешнему миру и своему внутреннему „я“ как бы дремали под одним общим покрывалом. Покрывало было соткано из бессознательных верований, наивных воззрений и предрассудков; весь мир с его историей представлялся сквозь это покрывало в своеобразной окраске, и человек познавал себя только по расовым особенностям или по признакам, различающим народ, партию, корпорацию, семью, другими словами, понятие личности связывалось всегда с какой-нибудь общей формой»*.

В позднем средневековье структура общества и личности стала меняться. Единство и централизация средневекового общества ослабевали. Росло значение капитала, индивидуальной экономической инициативы и конкуренции; развивался новый денежный класс. Во всех классах общества было заметно развитие индивидуализма, который оказывал влияние на все сферы человеческой деятельности: на вкусы и моды, на искусство и философию, даже на теологию. Я хочу подчеркнуть, что этот процесс имел совершенно различное значение для небольшой группы богатых и преуспевающих капиталистов, с одной стороны, и для массы крестьянства и особенно для городского среднего класса – с другой. Для этих последних новые тенденции в какой-то мере означали и возможность проявления личной инициативы, возможность обогащения, но, что гораздо существеннее, угрожали им разрушением их традиционного образа жизни. Об этом различии необходимо помнить прежде всего, так как именно от него зависели разные психологические и идеологические реакции разных классов на новую обстановку.

В Италии новое экономическое и культурное развитие происходило более интенсивно, чем в Центральной и Западной Европе, и оказывало более заметное влияние на философию, искусство, на весь образ жизни. Именно в Италии человек впервые вырвался из феодального общества и разорвал те узы, которые одновременно и придавали ему чувство уверенности, и ограничивали его. Италии, по словам Буркхардта, принадлежит «первородство в отношении развития личности в европейской семье», а итальянец – это первый индивид.

Тот факт, что в Италии средневековое общество начало разрушаться раньше, чем в Центральной и Западной Европе, имеет целый ряд экономических и политических причин. Среди них и географическое положение Италии, и торговые преимущества, вытекавшие из него, когда Средиземное море было торговым путем для Европы; и борьба между папами и императорами, в результате которой возникло множество независимых политических образований; и близость к Востоку, благодаря которой ряд технологических знаний, важных для развития промышленности, например шелковой, попали в Италию гораздо раньше, чем дошли до остальной Европы.

В результате этих и других причин в Италии возник сильный денежный класс, члены которого были преисполнены духом инициативы, мощи и честолюбия. При этом феодальное классовое расслоение утратило свое значение. Начиная с XII века и позже аристократы и бюргеры жили вместе, за общими стенами городов; кастовые различия начинали стираться, богатство становилось важнее родовитости.

Одновременно пошатнулось и традиционное социальное расслоение в массах. Вместо него мы видим в городах массу рабочих, эксплуатируемых и политически задавленных. Как указывает Буркхардт, уже в 1231 году политические меры Фридриха Второго «клонятся... к полному уничтожению ленной системы и к превращению народа в безоружную массу, платящую подати в наивысшем размере и лишенную всякой собственной воли» *.

Результатом прогрессирующего разрушения средневековой социальной структуры было возникновение индивида в современном смысле этого слова. Буркхардт писал: «В Италии впервые это покрывало (из бессознательных верований и т. д.) отбрасывается прочь, впервые зарождается *объективизм* в отношении к государству и человеческим делам вообще, а рядом с этим возникает и быстро растет также и *субъективизм* как противовес, и человек, познав самого себя, приобретает *индивидуальность* и создает свой внутренний мир. Так некогда греки возвысились над варварами, а арабы, благодаря их более яркой индивидуальности, – над другими азиатскими племенами» *.

Это описание Буркхардта, изображающее дух нового индивида, иллюстрирует освобождение человека от первичных уз, о котором мы говорили в предыдущей главе. Человек обнаруживает, что и он, и другие – это индивиды, отдельные существа; он открывает, что природа – нечто отдельное от него и что эта отдельность имеет два аспекта: во-первых, нужно теоретически и практически ею овладеть, а во-вторых, можно наслаждаться ее красотой. Человек открывает мир и практически – открывая новые сказать: «Моя страна – весь мир» *.

Возрождение было культурой богатого и сильного класса, который оказался на гребне волны, поднятой штормом новых экономических сил. Простой народ, которому не досталось ни нового богатства, ни новой власти, превратился в безликую массу, потерявшую уверенность своего прежнего положения; этой массе льстили или угрожали, но власть имущие всегда манипулировали ею и эксплуатировали ее. Бок о бок с новым индивидуализмом поднимался и новый деспотизм. Свобода и тирания, индивидуализм и анархия тесно переплелись. Возрождение было культурой не мелких торговцев или ремесленников, а богатых аристократов и бюргеров. Их экономическая деятельность, их богатство давали им чувство свободы и сознание индивидуальности. Но и они тоже понесли потерю: они потеряли ту уверенность и чувство принадлежности, которые обеспечивала им средневековая социальная структура. Они стали более свободны, но и более одиноки. Они пользовались своей властью и богатством, чтобы выжать из жизни все радости, до последней капли; но при этом им приходилось применять все средства, от психологических манипуляций до физических пыток, чтобы управлять массами и сдерживать конкурентов внутри собственного класса. Все человеческие отношения были отравлены этой смертельной борьбой за сохранение власти и богатства. Солидарность с братьями, или по крайней мере с членами своего класса, сменилась циничным обособлением; другие люди рассматривались как «объекты» использования и манипуляций либо безжалостно уничтожались, если это способствовало достижению собственных целей. Индивид был охвачен страстным эгоцентризмом, ненасытной жадностью богатства и власти. В результате было отравлено и отношение преуспевающего индивида к своей собственной личности, его чувство уверенности в себе и ощущение безопасности. Он сам превратился в такой же объект собственных манипуляций, в какой раньше превратились все остальные. Есть основания сомневаться в том, что полновластные хозяева капитализма эпохи Возрождения были так счастливы и уверены в себе, как это часто изображают. По-видимому, новая свобода принесла им не только возросшее чувство силы, но и возросшую изоляцию, сомнения, скептицизм *и, как результат

всего этого, тревогу. Это противоречие мы находим в философских сочинениях гуманистов. Они подчеркивают человеческое достоинство, индивидуальность и силу, но в их философии обнажаются неуверенность и отчаяние *.

Эта внутренняя неуверенность, происходящая из положения изолированного индивида во враждебном мире, по-видимому, объясняет возникновение новой черты характера, которая, как указывает Буркхардт *, стала свойственна индивиду эпохи Возрождения, в то время как у члена средневековой социальной структуры ее не было или по крайней мере она была выражена гораздо слабее. Речь идет о страстном стремлении к славе. Если смысл жизни стал сомнителен, если отношения с другими и с самим собой не дают уверенности, то слава становится одним из средств, способных избавить человека от сомнений. Она приобретает примерно ту же функцию, что египетские пирамиды или христианская вера в бессмертие: она выводит индивидуальную жизнь из физических границ, возносит ее на уровень неразрушимости. Если имя человека известно современникам и он может надеяться, что так оно будет и впредь, его жизнь приобретает смысл и значение уже благодаря ее отражению в сознании других. Разумеется, такое решение проблемы неуверенности было доступно лишь той социальной группе, члены которой обладали реальной возможностью достижения славы. Бесправные и бессильные массы таких возможностей не имели, и городской средний класс, ставший главной опорой Реформации, нашел, как мы покажем, другое решение.

Мы начали исследование с эпохи Возрождения потому, что в это время зародился современный индивидуализм, а также потому, что работа, проделанная историографами этого периода, проливает свет на важные факторы интересующего нас процесса. Этот процесс – выход человека из доиндивидуального существования и полное осознание себя в качестве отдельного существа. Но хотя идеи Возрождения и оказали значительное влияние на дальнейшее развитие европейской мысли, однако основные корни современного капитализма, его экономической структуры и его духа мы находим не в итальянской культуре позднего средневековья, а в экономической и общественной ситуации Центральной и Западной Европы и в выросших из нее доктринах Лютера и Кальвина.

Основное различие этих двух культур состоит в следующем. Культура Возрождения представляла общество сравнительно высокоразвитого торгового и промышленного капитализма; небольшая группа богатых и обладавших властью индивидов управляла этим обществом, составляя социальную базу для философов и художников, выражавших дух этой культуры. Реформация, напротив, была главным образом религией крестьянства и низших слоев городского общества. В Германии тоже были богатые дельцы, например Фуггеры, но не им были адресованы новые религиозные доктрины и не они составляли ту основу, на которой вырос современный капитализм. Как показал Макс Вебер *, основой современного капиталистического развития западного мира стал городской средний класс.

В соответствии с совершенно различной социальной основой Возрождения и Реформации естественно и различие духа этих движений *. Некоторые различия будут видны из дальнейшего рассмотрения теологии Лютера и Кальвина. Мы сосредоточим внимание на том, как освобождение индивида от прежних уз повлияло на склад характера представителей городского среднего класса, и покажем, что протестантство и кальвинизм, давая выражение новому чувству свободы, в то же время представляли собой бегство от бремени этой свободы.

Вначале мы рассмотрим экономическую и социальную обстановку в Европе, особенно в Центральной Европе, в начале XVI века, а затем обсудим, каким образом эта обстановка влияла на личность людей, живших в то время, каким образом учения Лютера и Кальвина были связаны с этим психологическим фактором и в какой связи находились эти новые религиозные учения с духом капитализма.*

В средневековом обществе экономическая организация городов была сравнительно статичной. В конце средних веков ремесленники были объединены в цехи; каждый мастер имел

одного или двух подмастерьев, а количество мастеров определялось необходимостью удовлетворения общих нужд города. Хотя среди них всегда были и такие, кто с трудом зарабатывал себе на жизнь, но, в общем, член цеха мог быть уверен, что его работа его прокормит. Если он делал хорошие стулья, башмаки, седла и т. д., то этого было достаточно, чтобы обеспечить ему жизненный уровень, полагавшийся по традиции его сословию. Он мог рассчитывать на «плоды трудов своих» (не в богословском, а в простом, экономическом смысле этой формулы). Цехи препятствовали серьезной конкуренции между своими членами и обязывали их к сотрудничеству в сферах приобретения сырья, развития технологии и определения цен на готовую продукцию. В противовес тенденции идеализировать цеховую систему – вместе со всей средневековой жизнью – некоторые историки отмечают, что цехи всегда были проникнуты монополистическим духом, стараясь оградить небольшую группу от всех посторонних. Однако большинство авторов считает, что, даже если отбросить какую-либо идеализацию, цехи были основаны на взаимном сотрудничестве и обеспечивали своим членам относительную гарантию существования *

Средневековая *торговля*, как показал Зомбарт, осуществлялась в основном множеством очень мелких предпринимателей. Оптовая и розничная торговля еще не отделились друг от друга, и даже те купцы, которые торговали с другими странами, как, например, члены Северогерманской Ганзы, занимались и розничной продажей. Накопление капитала до конца XV века тоже происходило очень медленно. В этих условиях мелкий предприниматель был значительно увереннее в своем положении, нежели в экономической обстановке позднего средневековья, когда стало возрастать значение крупного капитала и оптовой, монополистической торговли. Вот что говорит о жизни средневекового города профессор Тоуни: «Многое из того, что сейчас делается механически, в то время требовало личного и непосредственного участия человека. Поэтому не было условий для возникновения организаций слишком большого масштаба по отношению к отдельному человеку, как и для возникновения доктрин, которые должны были бы избавлять людей от сомнений и настраивать их на стремление к экономической эффективности» *

Это подводит нас к пункту, весьма важному для понимания положения индивида в средневековом обществе, а именно к *этическим взглядам на экономическую деятельность*, отразившимся не только в доктринах католической церкви, но и в светском законодательстве. Тоуни нельзя заподозрить в попытках идеализации средневекового мира, потому мы снова сошлемся на него. Отношение к экономической деятельности было основано на двух главных предпосылках: «*Что экономические интересы второстепенны и должны быть подчинены подлинному делу человеческой жизни – спасению души*»; и что экономическое поведение является одной из сторон личного поведения вообще, так что на него – как и на другие стороны поведения – распространяются требования морали».

Дальше Тоуни подробно рассматривает средневековые взгляды на экономическую деятельность. «Материальное богатство необходимо, поскольку без него люди не могут существовать и помогать друг другу, но значение его второстепенно... Экономические мотивы поведения подозрительны. Люди опасаются силы этих вожделиний и не настолько низки, чтобы их одобрять... В средневековой теории нет места такой экономической деятельности, которая не связана с моральной целью. Если бы средневековый мыслитель столкнулся с учением об обществе, основанным на предположении, что стремление к материальной выгоде является постоянно действующей и существенной силой, которая вместе с другими естественными силами должна быть признана самоочевидной и неизбежной, – это учение показалось бы ему не менее абсурдным и безнравственным, чем социальная философия, построенная на допущении ничем не ограниченного действия таких постоянно присутствующих человеческих качеств, как драчливость или сексуальный инстинкт... Как говорит святой Антоний, богатство существует для человека, а не человек для богатства... И потому на каждом шагу существуют

ограничения, запреты, предупреждения не позволять экономическим интересам вмешиваться в серьезные дела. Человеку дозволено стремиться к такому богатству, которое необходимо для жизни на уровне, подобающем его положению. Но стремление к большему – это уже не предприимчивость, а жадность, которая есть смертный грех. Торговля – занятие законное; различие в природных богатствах разных стран свидетельствует о том, что она предусмотрена Провидением. Но это опасное дело; человек должен быть уверен в том, что занимается им ради всеобщей пользы и что прибыли, которые он извлекает, не превышают справедливой оплаты его труда. Частная собственность необходима, по крайней мере в этом падшем мире; когда добро принадлежит отдельным людям, а не всем вместе, люди больше работают и меньше спорят. Но ее приходится терпеть лишь как уступку человеческой слабости, а сама по себе она отнюдь не желательна; идеал – если бы только человеческая натура могла до него подняться – это коммунизм. «Communis enim, – говорится в «Декрете Грациана» *

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.